

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 31

1989

Олег ШМЕЛЕВ

К Л Ю Ч И

Окончание

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 31

Издается с января 1925 года

Олег ШМЕЛЕВ

КЛЮЧИ

ПОВЕСТЬ

(Окончание)

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Олег ШМЕЛЕВ

(1924—1987)

Эта повесть — последнее из произведений огоньковца Олега Михайловича Шмелева. Писатель-фронтовик, он закончил ее буквально за несколько недель до своей кончины после тяжелой неизлечимой болезни.

О. М. Шмелев родился в 1924 году в Подмосковье. Восемнадцатилетним юношей он служил в отряде подводников-балтийцев, затем в стрелковых частях Ленинградского фронта. Снайпер Шмелев участвовал в боях, в том числе на знаменитой Невской Дубровке. Был дважды ранен. Среди его воинских наград — медаль «За отвагу».

После демобилизации репортер и очеркист Олег Шмелев работал в «Комсомольской правде». Тридцать пять лет жизни он отдал «Огоньку».

Читателям и кинозрителям О. М. Шмелев известен как автор и соавтор популярных книг и киносценариев «Ошибка резидента», «Возвращение резидента», «Знакомый почерк» и др.

Мастером детективного сюжета предстает он и в последней своей повести «Ключи».

На вопросы, поставленные Степановым, эксперты ответили:

1) пленка, из которой изготовлены пакеты, и краска отечественного производства (указывались предприятия — производители того и другого);

2) изготовление пакетов кустарным способом невозможно, так как для штамповки и для нанесения рисунка необходимо специальное оборудование, которое для частных лиц не предназначено.

Когда пришла от Барышева телеграмма из Баку, было возбуждено уголовное дело о незаконном производстве и продаже пакетов. Степанов получил санкцию на обыск квартиры и дачи Ситпаева. Еще раз обговорили варианты возможных действий.

Взяв пяток фотокарточек, среди которых были портреты Никитина и «Тренера», Басков 25 апреля вечером поехал в Домодедово.

Барышев и Балабек встретили его в аэропорту и отвезли на машине в гостиницу «Азербайджан», где ему дали номер рядом с Барышевым.

Они тут же провели маленькое совещание. Балабек обрисовал Баскову распорядок дня Ситпаева.

Рано утром Ситпаев привозит свою семью из загородного дома в город — детей в школу, жену на базар (после уроков жена забирает детей и возвращается на такси). С девяти утра Роберт Рзаевич на работе. Так как семья его на даче, обедает он в ресторане гостиницы «Интурист», что на набережной. Это происходит от часу до двух. У Ситпаева в ресторане постоянный столик, и он — по крайней мере в последние два дня — бывает там с молодой особой яркой внешности, которую привозит в автомобиле, — вероятно, сослуживица. После обеда Ситпаев отвозит девушку к зданию, где расположена его контора, а сам едет к себе домой, на улицу Аганий Матула. Выходит из дому в пять.

Что может делать человек три часа в пустой квартире после вкусного, плотного обеда? Спит, наверное, и правильно делает, ибо послеобеденный отдых полезен, иначе зачем бы в санаториях и детских садах делать обязательным тихий час...

Отдохнув, Роберт Рзаевич садится в машину и едет к своей конторе, но паркуется не перед центральным входом, а на параллельной улице.

Без четверти шесть появляется девушка, и они снова отправляются на набережную, но останавливаются не возле «Интуриста», а возле старого крепкого жилого дома. Войдя в подъезд вместе с девушкой около шести часов вечера, Ситпаев выходит один в семь часов.

С набережной он едет на дачу, куда прибывает через сорок минут, безмерно радуя своим появлением детей и жену.

Можно понять, что Роберт Рзаевич любит порядок и размеренность жизни, и это делает ему честь...

Все выглядело в изложении Балабека столь изящно, что Басков сказал:

— Не хочется мешать человеку. Такую жизнь построил. Так у него шикарно налажено.

Балабек сощурил свои карие глаза.

— Я слышал, Алексей Николаевич, у вас такая поговорка есть... Как это?.. Хватит коту масло кушать.

Басков улыбнулся.

— Правильно, Балабек! Не все коту масленица. Значит, дадим ему часок поспать, а в полчетвертого разбудим. Кстати, у вас во дворах трибуналы заседают?

— Какие трибуналы? — не понял Балабек.

— Ну, старушки на лавочках. В Москве их так называют.

— Не везде, но заседают.

— Я насчет понятых. Но пригласим не с его двора, а по соседству. Так сказать, с нейтральной территории. А с трибуналами, между прочим, феерические случаи бывают. Хотите байку из жизни?

И Басков поведал в качестве примера полезной деятельности «трибуналов» об одной трагикомической истории, происшедшей не так давно в Москве...

Во дворе большого дома сидели на скамейке три бабушки. Внучата копались в песке и качались на качелях, а они мирно разговаривали. День стоял ясный, солнышко грело ласково. И вот видят бабушки: появляются во дворе два патлатых молодых человека, лет по двадцать пять от роду, направляются ко второму подъезду. Что-то в их обличье и походке не понравилось бабушкам, и одна из них громко спрашивает: «Вы к кому, касатики? Может, их дома нет». «К Димке, — отвечают. — Димка ждет». И скрылись в подъезде.

Говорят, в тысячеквартирных новых домах соседи о соседях ничего-то не знают. Что до людей работающих, то это, может быть, и верно, но к «трибуналам» это не относится — «трибуналы» знают все.

Бабушки переглянулись многозначительно: никакого Димки во втором подъезде нет. «Кажись, нечисто дело», — сказала первая бабушка. «У этого, у рыжеватенького-то, рожа-то разбойничья», — сказала вторая. Третья, вероятно, еще лучше усвоила отеческие наставления их участкового инспектора, который не ленится проводить со своими подопечными гражданами профилактические беседы. Она сказала решительно: «Вот что, бабы. Вы тут присмотрите, а я ноль-два позвоню». И пошла на улицу, где телефоны-автоматы. «Ты, Михайловна, поищи какой-никакой

дрючок, а я буду сторожить», — сказала первая бабушка второй. Она открыла дверь подъезда и стала на пороге, а Михайловна отправилась в обход по двору в поисках палки, жердины или иного прочего дрючка — мысль подруги была ей понятна. В дальнем углу, под кустом, она нашла то, что нужно, даже лучше: это был железный прут толщиной в палец, согнутый в виде шпильки для волос. Михайловна поспешила к подъезду, и как раз вовремя: подруга, торопя ее, крутила в воздухе ладошкой.

Спустился лифт, из него вышли касатики — у каждого по два чемодана. Бабушки действовали проворно. Захлопнув дверь подъезда, они просунули тяжелую железную шпильку в ручку одним концом, а другой — чтобы не выскочила, когда начнут трясти дверь — взяли в руки. Тут и третья бабушка подоспела, объявив: «Мигом будут».

Дверь задержалась. «Что такое?» — услышали бабушки ошалелый голос одного касатика. «Чего чикаешься? Пошли!» — занервничал другой. «Не открывается!» Бабушки, довольные, хитро перемигнулись. «Не спешите, родимые, — сладко проворковала Михайловна. — На машине ответ, уже едут, потерпите малость».

Что тут началось! Касатики дергали дверь, пока ручка с их стороны не оторвалась. Тогда они стали пинать дверь и кидаться на нее с разбегу всем телом. Но она держалась прочно.

Они матерились и грозились, они обещали нащепать из бабушек лучины. Слушая их звериное рычание и крики, бабушки улыбались блаженно, как будто это была райская музыка. Потом за дверью наступила тишина, потом в тишине послышался скрип зубов, и кто-то из касатиков проговорил утробным голосом: «Откройте, мамаша, сто рублей дадим». «Ишь, сердешный, помятчал», — с сочувствием сказала Михайловна.

Касатики с озверелыми воплями снова кинулись на приступ двери, но тут приехала милиция на двух автомобилях. Воры вышли из подъезда красные, потные, патлы дыбом. Вид у них был, как у оплеванных. Они глядели стыдливо в землю, поэтому не видели, какими приветливыми улыбками встречали их милиционеры и бабушки.

Касатиков вместе с чемоданами погрузили в «козлик», а бабушек пригласили в легковушку, но они с великим сожалением вынуждены были отказаться: нельзя бросить внучат во дворе одних. Так что после пришлось следователю допрашивать их на дому. А в день суда, чтобы освободить бабушек ради общего дела, одна из мамаш взяла на работе отпуск без сохранения содержания и побывала с детшками.

Оказалось, бабушки изловили опасных преступников, оба уже отбывали наказание, их разыскивала милиция, на их счету было несколько квартирных краж.

...Понятых — двух старушек — они взяли, как и намечал Басков, во дворе по соседству с домом, где жил Ситпаев. В половине четвертого на лестничной площадке перед его квартирой стояло шесть человек. Балабек нажал кнопку звонка.

Дверь долго не открывалась. Потом послышались щелканья и скрипы запоров на двух дверях — внутренней и внешней, — и перед ними

предстал хозяин, кругленький человек в шелковом адидасовском спортивном костюме и в шлепанцах на босу ногу. Вид у него был заспанный.

Басков представился, предъявил документы и объяснил цель визита.

Ситпаев пригласил войти и попросил разрешения умыться. С минуты, пока он умывался, все молча стояли в обширной гостиной, увешанной коврами по трем стенам.

Когда Ситпаев явился перед ними, Басков посмотрел ему в лицо и испытал какое-то непонятное чувство. Странное это было лицо. Сдобное, румянец во всю щеку, — из-за этого Роберт Рзаевич походил на раскормленного отрока, тем более что роста он был маленького. Но едва Басков взглянул в матово-черные, как вороненая сталь, глаза, смотревшие на него в упор, он мгновенно забыл и про румянец, и про малый рост. Такие глаза должны были принадлежать совсем другому лицу — лицу человека, обладающего звериным чутьем и силой, прошедшего огонь и воду, видящего других людей насквозь.

Но это длилось всего мгновение; Ситпаев словно погасил огни в своих глазах и спросил неожиданно низким голосом, никак не подходившим его комплекции:

— Что будем делать?

— Мы с вами присядем пока, а молодые люди немного оглядятся, — сказал Басков. — Не беспокойтесь, мы без вас ничего не тронем.

Они сели к журнальному столику в углу, а Барышев и Балабек, пригласив с собой понятий, начали осматривать квартиру — это был беглый, предварительный осмотр.

— Что вы у меня ищете? — спросил Ситпаев.

Басков, решив начать обыск с квартиры, не рассчитывал обнаружить пакеты: судя по показаниям розничного торговца Екатерины Петровны, Роберт Рзаевич держал свою оптовую базу на даче. Тут витал некий психологический мотив, и его не грех было употребить на пользу делу — хотя бы для облегчения работы.

— Надеюсь, Роберт Рзаевич, вы оцените мою откровенность. Мы ищем пакеты «Марльборо».

Ситпаев не шелохнулся, но Басков уловил скрытое движение в его черных глазах — как прилив и отлив.

— Тогда не здесь надо искать, — сказал Роберт Рзаевич.

— А где?

— Едем на дачу. Я быстро оденусь. — Он решительно встал, и Басков понял, что никаких пакетов Ситпаев не боится, а значит, искать следует что-то другое.

— Подождите, Роберт Рзаевич, нам надо еще один вопрос выяснить.

Ситпаев неохотно сел.

Басков положил на колени свой чемоданчик, открыл его и достал пачку пронумерованных фотографий, привезенных из Москвы.

Ситпаев настороженно следил за этими манипуляциями, и его лицо постепенно принимало недовольное выражение. А может быть, его раз-

дражало то, что приходилось прислушиваться к шорохам и тихим звукам шагов, доносившихся из глубины квартиры, где Барышев и Балабек вели предварительный осмотр.

Басков разложил карточки на столике перед Ситпаевым в ряд по порядку номеров: Никитин значился под номером вторым, «Тренер» — под четвертым.

— Роберт Рзаевич, вот тут пять портретов пяти разных мужчин. Не знаком ли вам кто-нибудь из них?

Ситпаев, нахмурия брови, посмотрел и выдвинул пальцем из ряда портрет Никитина.

— Этого знаю.

— Вы не ошибаетесь?

— Знаю. Виктор зовут.

Басков крикнул:

— Барышев, Балабек! Идите сюда с понятыми.

Все четверо вернулись в гостиную.

Басков повторил с Ситпаевым всю процедуру, перевернул карточку Никитина и обратился к понятым:

— Прошу засвидетельствовать. Номер два.

Составить протокол опознания было делом нескольких минут. Басков убрал карточки в чемоданчик.

Барышев, Балабек и понятые ушли, чтобы продолжить осмотр, а Басков перечитывал протокол.

Скоро в гостиную заглянул Барышев.

— Алексей Николаевич, можно вас на минутку?

Басков пригласил с собою и хозяина квартиры. Из гостиной Барышев повел их в спальню, где господствовали две широченные кровати, сдвинутые вместе. Во всю противоположную стену тянулись платяные шкафы красного дерева с позолоченной инкрустацией.

— Интересная вещь, Алексей Николаевич,— сказал встретивший их Балабек и подошел к прикроватной тумбочке справа от сдвоенного необъятного супружеского ложа, на котором можно было бы играть в бадминтон.— Замечаете?

Тумбочка действительно была интересная. Во-первых, поражали размеры: шириной и длиной со стандартный канцелярский стол, только без ножек. Во-вторых, бросалось в глаза несоответствие: другая тумбочка, слева, была нормальной величины. В квартире, дышащей симметрией и строго выверенным местоположением каждого предмета, это выглядело нелепо.

Балабек, держа руку на полированной поверхности оригинальной тумбочки, пояснил:

— Это не от гарнитура. По заказу делали. Вот попробуйте подвиньте.

Басков попробовал, но подвинуть тумбочку удалось лишь со второй попытки, и у него осталось ощущение, что двигал он груженный самосвал.

— Прошу вас, нам надо посмотреть устройство этого шкафчика,— сказал Басков хозяину.

— Сейчас.

Роберт Рзаевич, увидев, что его неожиданные гости интересуются тумбочкой, не потерял, как можно было ожидать, румянца. Он только стал прятать глаза.

В сопровождении Балабека он пошел в кабинет и быстро вернулся. В руке у него была связка ключей. Позвонив ими, он открыл инкрустированные дверцы тумбочки. В левой половине на полках стояли нераспечатанные флаконы духов и одеколona. Правая половина была заперта дверцей из полированного дерева.

— Откройте, пожалуйста,— попросил Басков.

Ключом, похожим на ключ от сейфа, Ситпаев отпер дверцу. Это и был сейф.

Басков выложил из него на тумбочку несколько разноцветных коробочек, пачку облигаций трехпроцентного займа и банку из-под растворимого кофе, очень тяжелую.

Барышев попросил понятия подойти поближе, достал из чемоданчика бланки и сел на стул к подоконнику. Басков перебирал и пересчитывал содержимое сейфа, а Барышев записывал.

В коробочках лежали серьги, перстни, браслеты, кулоны — все с бриллиантами разных размеров.

В кофейной банке — золотые монеты различных стран и всевозможного достоинства. Их оказалось 29 штук.

Облигаций в пачке было на три тысячи рублей.

Сказать по правде, Басков удивился беспечности владельца столь больших богатств, который держал их почти на виду. Это можно было объяснить или чрезмерной самоуверенностью, или полным отсутствием чувства опасности.

Легкомыслие Басков решительно исключал, ибо Ситпаев производил впечатление какого угодно человека, но только не легкомысленного.

Когда было покончено с формальностями, Басков сказал:

— Придется, Роберт Рзаевич, все эти ценности перевезти в другое место. Заедем в милицию, а потом отправимся к вам на дачу.

— Я сюда уже не вернусь? — тихо спросил Ситпаев.

— Посмотрим, как пойдут дела.

Балабек вызвал «рафик», и они поехали в городское управление внутренних дел. Ценности — все, что было обнаружено в прикроватной тумбочке, — Басков оставил под расписку. И сказал Ситпаеву:

— Теперь, Роберт Рзаевич, везите нас на дачу.

...Жену Роберта Рзаевича Басков почему-то представлял себе женщиной под стать мужу — дородной, холеной, с ямочками на румяных щеках, в атласном халате до пят, и обязательно жующей какие-нибудь восточные сласти, вроде рахат-лукума, например.

Чтобы нарушить начинавшее тяготить молчание, Басков задал несущественный для дела вопрос:

- Роберт Рзаевич, у вас жена кто по образованию?
- Учительница. Азербайджанский и русский язык.
- Почему ж не работает?
- Дети, — кратко объяснил Ситпаев.

На дороге огромной каменной дачи их встретила женщина лет тридцати, высокая, худая, с бледным тонким лицом. Темные глаза смотрели устало и печально. Ничто не походило на тот образ, который заочно создал себе Басков. И одета она была не в халат, а в узкую серую юбку и синюю кофту с короткими рукавами.

- Она ни о чем никого не спросила, глядела молча.
- Детей к дяде Мусе отведи, — приказал Ситпаев.
- Они у соседей, — тихим голосом ответила она.
- Ступай к ним.

Она вздохнула, покорно сошла с крыльца и зашагала по улице. Ситпаев поднялся по ступеням первым. Из дома короткий коридор вел в стоящий стенка в стенку гараж. Ситпаев направился прямо туда.

В углу стоял железный сундук, запертый на висячий замок. Включив свет, Ситпаев пошарил на полочке, прибитой над сундуком, нашел ключ. Открыв замок, откинул со звоном крышку и извлек со дна плотно скатанный красный тюк — пакеты «Марльборо».

- Пятьдесят штук, — сказал он, протягивая их Баскову.
- Больше нет.
- А сколько было?
- Много было.
- Имею в виду последнюю порцию, — уточнил Басков.
- Полторы тысячи.

Составили протокол, дали подписать старушкам-понятым.

- Идемте в комнаты, — сказал Басков.

У Роберта Рзаевича на даче (если можно столь унижительно называть этот дом-крепость) тоже имелся кабинет. Туда он и привел всю группу.

Басков сказал Барышеву и Балабеку:

- Вы там посмотрите, а мы немного побеседуем.

Ситпаев заметил мрачно, но без раздражения:

- Здесь ничего нет. Зачем искать?
- Не помешает, — возразил Басков. — Присядем.

Когда они остались в кабинете одни, Басков спросил:

- Скажите, Роберт Рзаевич, где вы берете пакеты?
- Виктор возил, — спокойно отвечал Ситпаев.
- Из Москвы?
- В Москве живет.
- Та-ак... — Басков старался показать, что обдумывает следующий

вопрос, а на самом деле ему нужно было скрыть от проницательных

глаз хозяина кабинета свою мгновенную досаду и даже легкое замешательство.

Они со Степановым строили свои действия на предположении, что Виктор, то есть Анатолий Никитин, возил в Москву пакеты из Баку, был, так сказать, получателем в этом прекрасном южном городе. Оказывается, все наоборот. Кто теперь может поручиться, что все прочие их предположения — относительно Кузьмичева, Татьяны Никитиной и других действующих лиц этой истории — более правдоподобны и справедливы! Было отчего испытывать неуверенность. Но Басков быстро овладел собой.

— Та-ак,— повторил он.— И когда же это началось?

Подумав, Ситпаев ответил четко:

— Год и восемь месяцев.

Басков прикинул — получалось в сентябре позапрошлого года.

— Где и как вы познакомились с Виктором?

— Я в Москву ездил. В ГУМе он ко мне подошел, спрашивает: где сумку купил? У меня пакет был «Уинстон». В Баку, говорю. Сколько давал? Пять рублей. Он говорит: хочешь по полтора иметь? Хочу, говорю. Адрес взял, скоро пакеты привез.

— А вы не знали, что пакеты поддельные?

— Догадывался.

— Сбывали почему?

— Два с половиной.

— У вас много розничных продавцов? Вроде Екатерины Петровны...

— Четыре.

Басков вынул из пачки сигарету, поискал глазами пепельницу на письменном столе. Заметив это, Ситпаев сказал:

— Я не курю. Могу принести блюдце.

— Спасибо, обойдемся.

Басков вырвал из блокнота листок, свернул кулечек, как Екатерина Петровна, и закурил.

— Давайте уточним, Роберт Рзаевич. Вот вы произнесли такие слова, когда я спросил, откуда пакеты: «Виктор возил». Значит, раньше возил, а сейчас не возит?

— Другой возит. Женя зовут.

— А фамилию вы не знаете?

— Человек не говорит — я не спрашиваю.

— Когда Виктора заменил Женя?

— Последний раз Виктор приезжал в прошлом году, в октябре. Женя приехал в ноябре.

— Часто вы пакеты получаете?

— Зимой редко. Дорога плохая зимой.

— А в другие сезоны?

— Раз в месяц. Иногда — два.

— Когда теперь Женю ждете?
— Трудно сказать. Может, в мае.
— Монеты он тоже возит?
— Нет.
— Он вам случайно адрес свой московский не оставил? Или телефон?

— Извините, это я тоже не спрашивал.

Похоже было, что Ситпаев говорил правду. И насчет того, что на даче у него ничего не спрятано, тоже, кажется, не врал. Хотя это еще нуждалось в более тщательной проверке.

12

Обстоятельство, выяснившееся из показаний Ситпаева, — что пакеты шли не из Баку в Москву, а в обратном направлении, — было неожиданным для Степанова и Баскова и кое в чем поколебало их, но основного плана действий не изменило.

Попав в беду, Ситпаев сделался более разумным человеком, чем был раньше. Он правильно рассудил, что в его положении лучше быть откровенным. Он выложил все: сколько пакетов прошло через его руки, сколько монет купил у «Виктора» и почему, какие еще нетрудовые доходы у него есть и как трудно было соорудить и обставить загородный дом. Последний из перечисленных пунктов можно отнести к чистой лирике, зато вот что получил Басков в виде компенсации.

В один из своих приездов «Виктор» завел речь о расширении «торговой сети». Он доходчиво объяснил, почему это необходимо. Во-первых, в ближайшее время ожидается увеличение производства пакетов. Второе следовало из первого: надо будет продавать в каждой точке гораздо больше товара, а это небезопасно, если помнить о существовании БХСС. И к тому же можно затоварить рынок.

Научно обрисовав ситуацию, «Виктор» мягко поинтересовался, нет ли среди знакомых Роберта Рзаевича надежных деловых людей, живущих в других городах.

Такие люди нашлись: один — в Махачкале, другой — в Кировабаде. Роберт Рзаевич связал с ними «Виктора». С тех пор «Виктор» курсировал по маршруту, включающему три города. Роберт Рзаевич не мог утверждать, что были у «Виктора» и другие точки, но за Махачкалу и Кировабад отвечал головой, поскольку поддерживал с жившими там деловыми людьми тесные отношения и получал сведения о визитах «Виктора» и о состоянии торговли.

Басков задал вопрос:

— Послушайте, а вы никогда не спрашивали, откуда «Виктор» и Женя берут пакеты?

— «Виктор» такой парень... — Роберт Рзаевич пошевелил в воздухе толстыми пальцами. — Не пьет, не курит... Такой ничего не скажет...
— Ну, а Женя?
— Новый бурдюк вино любит.
— Что же он вам рассказывал?
— Сам мало знает.
— А все-таки?
— Честное слово, — взмолился Роберт Рзаевич, — не мог я про склад расспрашивать.

И верно, это уж было бы чересчур...
Мерой пресечения определили Роберту Рзаевичу подписку о невыезде и отпустили его домой.
Оставалось ждать приезда Жени. «Принимайте, как обычно», — сказал Ситпаев на прощание Басков.

Остекленная с трех сторон широкая, просторная веранда, куда вел только один вход — из недр дома, поражала всякого, кто впервые бывал желанным гостем на даче Роберта Рзаевича Ситпаева. Светло-синие и зеленые стекла, набранные в причудливый орнамент со свинцовыми прожилками, являли собою великолепный витраж, навевавший какие-то смутные воспоминания, может быть, о Шехерезаде. Тяжкий стол из натурального неполированного дуба на толстых львиных лапах, ничем не покрытый, во всю свою неправдоподобную длину был плотно заставлен кувшинами и хрустальными разноцветными графинами, блюдами, тарелками, вазами и вазочками, салатницами и соусницами. Тут было все и на любой вкус, но, конечно, с бакинским оттенком. Стол, как верные вассалы, окружали неподъемные стулья. Вероятно, дубы, из которых их вырезали мастера-краснодеревщики, были вассалами дуба, породившего этот царственный стол, — там, в далекой горной дубраве...

Этот воскресный майский день выдался не по-весеннему жарким даже для Баку, однако на веранде дышалось легко: ее заполняла прохлада дома, а витраж заслонял от солнца.

«Волга» палевого цвета, на которой приехал Женя, стояла в гараже рядом с «Волгой» Роберта Рзаевича. Только что одно из двух запасных колес без камеры было вскрыто, и из него, как из консервной банки, извлекали не портящееся от долгого хранения содержимое — пакеты «Марлборо». Час потрошения для второго колеса настанет в Кировабаде, зато тайник под задним сиденьем уже опустошен в Махачкале. Поэтому Женя, невысокий, но стройный тридцатилетний человек с приветливым, беззаботным выражением лица, был доволен собою. Такое выражение при том роде занятий, который Женя для себя избрал, не всегда отражало подлинное состояние его души и нервной системы, но сейчас оно было искренним, ибо трасса авторалли Москва — Кировабад,

в котором главным его противником выступала милиция, пройдена на две трети, и его «Волга» пока вне досягаемости. Женя расслабился. Знакомый дубовый стол на веранде, за который он сядет в девятый раз, волновал его нетерпеливое воображение. Поэтому он без особого усердия намыливал в ванной свое стройное тело — лишь бы смыть дорожную пыль, — а белокурые волосы, причесанные на косой пробор, вообще решил не мыть. И отделанная лоснящимся розоватым мрамором ванная, стол поразившая его в первый раз, уже не интересовала его сама по себе как произведение пластического искусства, равно как и сверкавшие никелем произведения искусства сантехники, добытые, по словам хозяйина, при строительстве югославской гостиницы в Москве. Омыв себя в голубой чаше ванны, вделанной в пол, Женя вытерся мохнатым полотенцем, от которого пахло лавандой, и оделся во все свежее. Его любимая черная рубашка с коричневой двойной строчкой по плечам и рукавам и серые фланелевые брюки совсем не смялись в чемодане.

Он поправлял перед зеркалом прическу, когда в ванную заглянул Роберт Рзаевич.

— Готов?

Женя посмотрел на него весело.

— Дорогой Робби, чем ты недоволен?

Действительно, Роберт Рзаевич, окинувший взглядом собственную ванную, имел вид человека, которому роскошь омерзительна. Женя не мог догадываться, что в данный отрезок времени его друг и компаньон именно таким человеком и являлся. О причинах, понятно, ему тоже не было известно. Поэтому он не придал никакого значения мрачному смыслу того, что услышал в ответ.

— Плохие новости лучше узнавать, когда курсак вот такой. — Роберт Рзаевич похлопал себя ладонью по животу, который, несмотря на его незавидное теперешнее гражданское состояние и вопреки всем законам психологии и физиологии, продолжал оставаться круглым. — Идем. Зеленый завянет.

Сначала они зашли в кабинет, где Роберт Рзаевич вручил Жене пачку денег, сказав: «Здесь две». Если бы при этом Женя обратил внимание, с каким отвращением глядел на него компаньон, его радужное настроение мигом бы потускнело. А если бы к тому же он узнал, что десять минутами раньше Роберт Рзаевич общарил карманы его кожаного пиджака, висевшего в кабинете на спинке кресла, нашел паспорт и таким образом выяснил его настоящее имя и домашний адрес, Юрий Николаевич Конюшков в гневе бежал бы из-под кровли коварного дома, и это был бы его первый с момента рождения решительный, благоразумный и, главное, самостоятельный поступок. Впрочем, скорее всего он бы все-таки не бежал: стол на веранде обладал очень большой магнетической силой.

Сунув деньги в свой кожаный пиджак и сладострастно потирая руки, он зашагал следом за Робертом Рзаевичем на веранду. Композиция запахов, издававшаяся столом, заставила его на секунду закрыть глаза.

Роберт Рзаевич достал из холодильника бутылку «Посольской». Сели. Налили. Положили.

Женя для разбега положил себе несколько ломтей селедки, но это была не какая-нибудь рядовая исландская, атлантическая или там иваси. Это был подлинный залом — имя, ничего не говорящее нынешнему поколению почитателей соленых закусок.

В далекую эпоху предвоенных лет, когда на Каспии и в дельтах Волги и Урала ремесло браконьера презиралось за безнравственность и бездоходность, причиной которой служило изобилие осетровых рыб, а следовательно, и черной икры, в ту удивительную эпоху пассажиров поезда Москва — Баку на станциях, начиная от Махачкалы, встречали скромные и робкие продавцы — мальчишки и девчонки, дети рыбаков. Они держали на веревочках (петлей захлестнутых на двухлопастных мощных хвостах) полуметровых веретенообразных рыб. В жаркий солнечный день рыбины бросали своими крутыми боками ослепительные зеркальные зайчики, а с носа у них капал янтарный жир. Это и был залом.

Ныне его, кажется, вычеркнули даже из Красной книги как несуществующего. Но Женя, в миру Юрий Николаевич Конюшков, про то не ведает, ибо закусывает водку именно исчезнувшим из вод морских заломом, а если бы и ведал, то все равно не усмотрел бы в этом сверхъестественном факте ничего особенного. Он давно, с самого появления на свет, был приучаем родителями к такому порядку вещей: если что-то существует в мире хотя бы даже и в одном-единственном экземпляре, оно должно принадлежать Юре.

— Так что ты хотел мне сказать, Робби? — спросил он жирным от залама тенором. Но видно было, что вопрос этот не очень-то его волнует.

— Ешь, — хмуро сказал Роберт Рзаевич, наливая ему водки. — Зачем портить аппетит?

После каждой рюмки Женя менял закуску. Роберт Рзаевич больше не пил и не ел. Отвлечшись от собственной персоны, Женя наконец заметил это, взмахнул вилкой над столом.

— Послушай, Робби, это все мне одному?

— Ничего. Может, гости придут.

— Друзья?

— Почти наши родственники.

Женя уловил в голосе Роберта Рзаевича нечто неприятное и слегка забеспокоился.

— Чьи — наши?

— Мои, твои...

Женя перестал жевать.

— Робби, я тебя люблю... Зачем пугаешь?

Глубоко в недрах дома зазвонил телефон.

— О! — Сказал Роберт Рзаевич.

К телефону, кроме него, некому было подойти: они остались одни в доме, жена, приготовив стол, взяла детей и ушла. Роберт Рзаевич, тяжело ступая, покинул веранду.

Женя налил себя рюмку, ковырнул, не глядя, в блюдо с холодными артишоками. Он, сколько ни прислушивался, не мог слышать, о чем говорил хозяин по телефону. Когда тот появился, Женя спросил только:

— Они?

— Они. Сейчас будут.

Через несколько минут зазвонил дверной звонок. Роберт Рзаевич пошел открыть и вернулся вместе с Басковым и Балабеком.

— Здравствуйте, юноша,— сказал Басков.

Женя встал, это получилось у него непроизвольно и слишком поспешно.

Басков оглядел его своими насмешливыми серыми глазами с головы до ног, усмехнулся, представился:

— Майор милиции Басков.

Женя как-то неловко сунул свою тонкую, изящную кисть в жесткую, словно неструганая доска, ладонь Баскова.

— Женя.

— Правда? — с откровенно притворным изумлением спросил Басков, задерживая его руку. — А похож на Юру Конюшкова с улицы Герцена, а?

Ладонь у Жени в один миг сделались влажными. Басков повесил свою куртку на соседний с Жениным стул и сел. Женя стоял и молчал.

— Садитесь, юноша, продолжайте,— сказал Басков и обернулся к хозяину. — Роберт Рзаевич, приглашайте моего молодого товарища, но пить ему нельзя, он за рулем. Почти как в старом анекдоте.

Женя опустил на свой стул. Балабек сел напротив.

— Ваша основная специальность нам тоже известна. А побочная, если не секрет? — спросил Басков.

Женя понял шутку. Бледность сошла с его гладкого, нежного чела.

— Я в аспирантуре.

— Давно?

— Пять лет.

— Как вам это удастся?

Чело Жени двумя вертикальными морщинками прорезала печаль.

— Мой отец имел большой авторитет в той области науки, в которой он...

Видя, что Женя не продолжает, Басков участливо спросил:

— Простите, он умер?

— Прошлой осенью.

Роберт Рзаевич наполнил рюмку Жени.

— А вы что же? — спросил Басков у хозяина.

— Не хочу.

Женя выпил и закусил.

— Слушайте, Женя, — сказал Басков, — вас зовут Женей в Махачкале, Баку и Кировабаде. Нам с вами придется общаться в Москве. Поэтому я буду звать вас вашим настоящим именем. Не возражаете?

— Как вам угодно.

— В таком случае, Юрий Николаевич, прошу внимания. Вы аспирант и легко поймете суть вопроса. Кто снабжает вас товаром?

— Не знаю.

— А ваш автомобиль заправлен кефиром? Или не любо — не слушай, а врать не мешай?

— Я правду говорю! — обиделся Юра.

— Ну-ну... Как же вы товар получаете?

— Очень просто. Мне звонят, говорят: во столько-то. Сажусь в машину, еду по Рязанке, сворачиваю, доезжаю до брошенной стройплощадки. На ней — сарай, бывший склад. Там для меня оставлены два колеса и мешок. Вот и все.

— И не ждут, и не провожают? — Басков скептически усмехнулся, взял из вазы ядрышко очищенного фундука, бросил в рот.

— Абсолютно.

— А кому выручку сдаете?

— Зовут его Ося.

Басков едва не поперхнулся. «Тренера» зовут Костя.

— Повторите имя, дорогой Юра, я не расслышал.

— Вообще его зовут Иосиф, но Ося короче.

Баскову было жаль, что он обманулся из-за похожего звучания двух разных имен.

— А как вы общаетесь?

— Он звонит, говорит время и место.

Басков спросил:

— Когда вы рассчитываете вернуться в Москву?

— Через неделю.

— В Кировабад вам уже не надо, поедете прямо в Москву. С вами будет мой товарищ. Это очень удобно, Юрий Николаевич. Можно вести машину по очереди.

Басков улетел в тот же день. Юра и Барышев отправились в Москву на следующее утро.

Со Степановым непременно происходило так. В процессе расследования наступал день, когда его вдруг охватывали тревога и чувство собственного бессилия. Обычно это случалось в конце расследования. Но

усталость тут была ни при чем. Разбираясь в себе, он не сразу, а на третьем или четвертом деле все-таки нашел причину.

Началом всякого уголовного дела, которое ему приходилось возбуждать, служило какое-то единичное преступное деяние. Потом, по мере расследования, от этого единичного факта, как от раковой опухоли, прослеживалась метастаза, на которой обнаруживалась другая опухоль, и так далее, — получалась целая гроздь. Профессионально Степанов принимал это как должное: не считает же хирург-онколог, что раком больных поголовно все люди на свете. Но по-человечески ему иногда становилось тошно. Он думал и даже надеялся, что со временем это пройдет. Ан не проходило...

На этот раз такой день настал назавтра после второго отъезда Баскова в Баку.

Перебирая в папке протоколы допросов и листы с наклеенными фотографиями, Степанов вдруг остро ощутил недовольство собою. Ему известно о существовании «Тренера» Кости, двое малолетних подручных «Тренера» — Брошин и Касимов — находятся под стражей, в Баку обнаружен оптовый покупатель пакетов Ситпаев, нащупан след убитого Никитина, а у него, у Степанова, нет в руках ни одной правдоподобной версии. И чувство такое, будто он что-то проглядел, чего-то не учел. Словно ехал в машине по дороге, что-то мелькнуло на обочине, боковым зрением он отметил это, но как следует взглянуть не успел — пронеслась машина мимо.

В папке лежал пакет с карточками, который дала ему мать покойного Никитина — Клавдия Николаевна. Степанов вспомнил, как умоляюще смотрела она, когда просила обязательно вернуть их, и решил сделать это немедленно. В коммунальной квартире на Таганке, где она жила, телефона не было, он рисковал ее не застать, но сидеть в кабинете при таком настроении он не мог. Сказав секретарю отдела, что вернется часа через два, Степанов отправился пешком на Таганку. Первый раз в жизни он не замечал, что город расцветается флагами и первомайской иллюминацией, уже готовится к празднику.

Ему повезло — Клавдия Николаевна оказалась дома. Она встретила его приветливо, но как будто немного чего-то стеснялась. Войдя в комнату, Степанов понял причину. В углу один на другом, похожие на снежную бабу, высились в рост человека три узла из белых простыней. Их вид лишил комнату всякого уюта.

— Вы уж извините, — сказала Клавдия Николаевна, — да ведь не выбросишь.

Степанов недоумевал. Неужели это вещи ее сына, Анатолия Никитина? Но Клавдию Николаевну предупредили, что вопрос о судьбе его имущества решится только в судебном порядке, а она при этом в сердцах махнула рукой: мол, при чем здесь какие-то вещи... И, главное, квартира покойного опечатана, а Степанов даже и мысли не допускал, чтобы Клавдия Николаевна была способна нарушить хоть какой-нибудь запрет.

— В стирку собрали? — не слишком-то дипломатично спросил он и тут же, приглядевшись к снеговiku, сообразил, что вопрос к тому же и глуповатый: средний узел был не совсем круглый, а как бы граненый — в нем содержались какие-то твердые предметы. Может быть, магнитофоны и проигрыватели или там какие-то стереоколонки, виденные им в квартире Татьяны Никитиной.

— Таня вчера привезла... Толины вещи. — Клавдия Николаевна волновалась и старалась взять себя в руки. — Да вы садитесь.

Сели, как и в прошлый раз, к столу. Клавдия Николаевна закурила сигарету. Дым потянулся к открытому настежь окну. Степанов положил на стол пакет.

— Ваши карточки. — И, не зная, что бы еще сказать, задал другой вопрос, тоже объяснявшийся, вероятно, его невыносимо дурным настроением: — Что это вдруг она надумала?

Клавдия Николаевна озабоченно нахмурила брови.

— Вы знаете, она сама не своя. Представляете, так плакала.

Степанов покашлял в кулак и ничего не сказал.

— Она считает себя виноватой, — продолжала Клавдия Николаевна. — Но что же теперь поделаешь?

— Вы думаете, если бы они не развелись... — Степанов опять закашлялся.

— Простите, вас зовут Михаил?..

— Иванович.

— Ну кто, Михаил Иванович, может это сказать? Я ее, знаете, не виню.

— Кажется, там брат какую-то роль играл.

— Грешить не хочу, Толя мне не жаловался. Но она очень брата слушается. Как отца... Вот и вещи, — она кивнула на узлы, — он велел отдать. Таня говорит, давно за них ругал.

У Степанова снова, как утром, возникло ощущение, будто он едет в машине, и что-то вдруг мелькнуло на обочине, отмеченное боковым зрением...

Он поднялся со стула необычно легко для своих ста килограммов.

— Ну, мне пора, Клавдия Николаевна. Я к вам как-нибудь загляну.

Она проводила его до лестницы.

...Шагая к себе, Степанов остановился на мосту против Краснохолмской набережной, постоял, глядя на реку, и с удивлением обнаружил, что настроение его переменялось.

Он возвращался мыслью в ту пятницу, и она представлялась ему длинной дорогой — от девяти утра до десяти вечера. А потом продолжалась до десяти утра субботнего дня. Не очень-то богато на ней ориентиров и указателей. Но что же там мелькнуло на обочине, не задержав на себе внимания? И почему этот маловразумительный разговор с Клавдией Николаевной возвращал его на три недели назад?

Попробуй объяснить хотя бы несколько необъяснимых вещей. Почему Анатолий Никитин пришел в свой бывший дом как раз тогда, когда Татьяна была в театре, а Кузьмичев уехал в Харьков? Татьяна говорит, что просила Кузьмичева оставить ключи соседям, и он это подтверждает. Но какое значение имеет этот факт? При чем здесь ключи, если у Анатолия Никитина были свои? И почему же Татьяна Никитина считает себя виноватой?

Чтобы проверить неясно обозначившееся предположение, Степанов на ходу составил план, а придя в свой кабинет, тут же приступил к делу.

Прежде всего он позвонил соседке Татьяны Никитиной — Марии Николаевне и сказал, что заедет через час для короткой беседы. Затем то же самое было сказано по телефону Александру Кузьмичеву. Третий звонок — самой Никитиной. Ее Степанов вызвал в прокуратуру на семнадцать часов.

Было четырнадцать, не вредно бы и пообедать, тем более что и аппетит к нему вернулся, но следовало поторопиться, иначе он мог не успеть обратно к семнадцати...

Мария Николаевна, как и Клавдия Николаевна, увидев его, немного смутилась, но лишь на секунду, пригласила в гостиную, усадила за стол.

Степанов решил все-таки оформить беседу как допрос, чтобы уж не вызывать человека специально в прокуратуру. Мария Николаевна сделала подчеркнуто серьезной, когда он положил на стол бланк протокола, а расписавшись об ответственности за ложные показания, почему-то улыбнулась, и это понравилось Степанову.

— У меня к вам всего три вопроса,— сказал он.

— Пожалуйста, слушаю вас.

— Вы говорили, Кузьмичев отдал вам ключи в двадцать, то есть в восемь часов вечера. Подтверждаете это?

— Да. Было около восьми часов.

— Вечером после восьми кто-нибудь спрашивал у вас эти ключи?

— Нет! — воскликнула она и добавила запальчиво: — Да я бы и не дала!

— Утром в субботу в начале одиннадцатого вы отдали ключи Татьяне Никитиной. Скажите, Мария Николаевна, в каком порядке это происходило: сначала она взяла ключи и уже после позвала вас к себе в квартиру? Или сначала она...

— Конечно. Таня сначала взяла ключи,— перебила его Мария Николаевна.

Она предлагала кофе и чаю, но Степанов с сожалением отказался.

Чуть переждав на лестничной площадке, он нажал кнопку у соседней двери.

Александр Кузьмичев ждал его и глядел озабоченно.

К нему у Степанова было вопросов больше, чем к Марии Николаевне, но в процессуальном смысле не все они имели значение, а некоторые выглядели бы неуместно и странно в протоколе.

— Вспомните, Александр Михайлович,— начал Степанов.— Когда вы в пятницу вернулись домой после поездки в ГУМ и на автобазу, вы ничего необычного в квартире не заметили?

— В коридоре обои лежали. В кухне на столе записка от Тани.

— И больше ничего?

Кузьмичев пожал одним плечом.

— А что ж еще?

— Ну, например, ключи Татьяны Васильевны.

— Нет, не было никаких ключей. Про мои ключи она в записке написала.

— Записка не сохранилась?

— Порвал, в ведро бросил.

— А зачем надо было отдавать ключи соседям? Можно и дома оставить.

— Но квартиру ж надо запереть.

— Да-да, вы правы, я как-то не сообразил...

Про обои, записку и ключи Степанов записал в протокол и отодвинул его в сторонку.

— Скажите, Александр Михайлович, может, вы что слышали, были у Никитина враги, недоброжелатели?

— Откуда ж мне знать? Таня про него говорить не любит.

Степанов позволил себе схитрить, с Кузьмичевым это было нетрудно.

— У нее, кажется, родных нет?

— Старший брат.

— Вы с ним знакомы?

— Виделись раз. На день рождения приглашал.

— Вы ведь ремонт квартиры в прошлом году делали?

— Перед ноябрьскими.

— А кухню что же?

— И кухню. А после Таня обои захотела.

Степанов про себя отметил: «Кузьмичев живет у Никитиной уже полгода, а брата ее видел всего один раз. Обои покупать повез Никитину брат. Три недели назад, именно в пятницу. Почему этого не мог сделать Кузьмичев?»

Но задавать последний вопрос вслух Степанов не стал. Его он задаст Никитиной.

Степанов совсем не разбирался в дамской косметике и ее неограниченных возможностях, однако тотчас увидел, что румянец на щеках Татьяны Никитиной ненатуральный. Она поблекла. Каштановые волосы утратили блеск. Глаза, которые по первому впечатлению Степанов считал голубыми, оказались сероватыми, какими-то неопределенными. И вся

она вроде как бы притихла. Она вызывала у него жалость. Он даже подумал, не отложить ли допрос.

Однако если версия, которую он сейчас разрабатывал, окажется правильной, то роль Татьяны Никитиной во всей этой истории слишком недвусмысленна, чтобы на допросе ставить соображения чисто личного порядка выше интересов дела.

Степанов дал Никитиной расписаться под текстом об ответственности за дачу ложных показаний, вставил бланк протокола в портативную пишущую машинку и приступил к допросу. Скрывая шевельнувшееся в душе чувство жалости, начал официальным тоном:

— Татьяна Васильевна, прошу вас подробно вспомнить весь день шестого апреля, буквально по часам и минутам. Итак, утром вы поехали на работу...

— Да, меня отвез Саша.

— И потом?

— Ну, как обычно... нормальная работа...— Казалось, она не понимала, чего от нее требуют.

— Обед у вас в тринадцать,— подсказал Степанов.— Что произошло до тринадцати?

— Я говорю, все как обычно.

— Никто вам не звонил?

— Да нет.

Степанов сделал паузу, довольно длинную, и спросил:

— А что же ваш брат, заехал за вами без предупреждения?

Она тоже сделала паузу, словно бы и вправду вспоминая.

— Извините, брат действительно звонил.

— Потом вы поехали за обоями. И что дальше?

— Он завез меня на Профсоюзную.

— Скажите, Татьяна Васильевна, обоим вам обязательно нужно было покупать с братом? Ведь у Александра Кузьмичева тоже есть машина.

— У Лени в том магазине знакомство.

— А почему именно в тот день, шестого апреля?

— Так получилось. Брату было удобно...

— Хорошо,— терпеливо продолжал помогать ей Степанов.— Приезжали обоим, написали Кузьмичеву записку о ключах. Брат видел эту записку?

— Да.

— И что же дальше?

Никитина, глядевшая до этого на пишущую машинку, стоявшую перед Степановым, взглянула ему прямо в лицо. В глазах ее он уловил испуг. Пока она молчала, он отстукал двумя пальцами свой вопрос и повторил вслух:

— Что же было дальше?

Если человек затрудняется ответить на столь простой вопрос, тут что-то неладно. Степанов ждал от Никитиной именно такого долгого

молчания, но совсем в другой момент, на другом пункте, например, когда шла речь о покупке обоев. И впереди у него был заготовлен трудный для Никитиной вопрос.

Она все еще молчала, и чутье подсказало Степанову сменить тактику. Он спросил о том, что приберегал напоследок, и голос его звучал на этот раз без всякой официальности:

— Татьяна Васильевна, мне одно непонятно. Вы считаете себя виноватой. Почему? Если Никитин занимался какими-то незаконными делами, то ведь это началось еще при вашей совместной жизни, и вы ему помехой не были и исправить его не могли. Развелись вы уже год назад, и Никитин, судя по всему, жил холостяком не так уж плохо.

Она вдруг отвернулась от него, положила руки на спинку стула, уткнула лицо в ладони и заплакала.

Степанов вышел из-за стола, налил в стакан воды из графина, предложил ей, но она не услышала.

Очень долго она плакала, а Степанов смотрел в окно на нежно-зеленую листву и не знал, как ей помочь. Наконец он услышал тихие слова, сказанные со вздохом:

— Если б я тогда не позвонила, ничего бы не было.

Он сел за стол и в надежде успокоить Никитину предложил:

— Давайте, Татьяна Васильевна, отложим. Вы, я вижу, устали. Поезжайте домой, а завтра утром встретимся.

Но она, вновь сев прямо, возразила с неожиданной решимостью:

— Нет, надоело все думать и думать. Это ужасно. Я ничего не понимаю.

— В таком случае продолжим. Будем разбираться вместе. Скажите, когда и кому вы звонили?

— Я, кажется, говорила вам: брат не одобрял наш с Толей брак.

— Простите, не разберусь. Какая связь между звонком и вашим братом?

— Он тогда как с ума сошел.

— Кто он?

— Брат.

— Когда?

— В пятницу, шестого апреля.

Ход ее воспоминаний, вероятно, подчинялся определенному порядку, но Степанов все еще этого порядка не улавливал.

— Но почему?

— Понимаете, он увидел вещи Толи... Ну, магнитофон, приемник... Белье в шкафу, костюмы...

— Зачем же ему в шкаф заглядывать?

— Не знаю. Машинально, наверное.

В другое время, представив себе мужчину, заглядывающего в шкаф сестры машинально, Степанов рассмеялся бы, но сейчас допрос оборачивался даже серьезнее, чем он рассчитывал.

— Ну, увидел вещи бывшего вашего мужа. Что же в этом особенного?

— Он просто взорвался, никогда его таким не видела. Ногами топал, кричал — раз я живу с другим мужем, то пусть Толя немедленно забирает отсюда свои вещи.

— Прямо сию минуту?

— Да. Или я ему не сестра.

— И вы позвонили Толе?

— Брат приказывал... И чтобы с этим было покончено раз и навсегда.

— А что же Толя?

— Он растерялся — к чему такая спешка. Валялись вещи год, и ничего. Я сказала, как велел брат. Саша настаивает. Надо взять, пока он в отъезде.

— И он пообещал забрать вещи?

— Да.

— Вечером? Когда Саша уедет, а вы будете в театре?

— Да.

Одной из исходных позиций, на которых Степанов строил свою версию, было предположение, что Татьяна Никитина — соучастница преступления. Сейчас он считал эту позицию более чем шаткой. Но необходимо проверить еще кое-что.

— Сочувствую вам. Вы все время думаете о брате? Об этом трагическом совпадении? — Сам Степанов, говоря так, думал, конечно, не о простом совпадении.

Она посмотрела на него умоляюще.

— Так вы его не подозреваете?

— У следствия есть свои правила, Татьяна Васильевна, — уклончиво объяснил Степанов. — Главное для вас — высказаться. По-моему, вы это и сделали.

— Я измучилась.

— Еще один момент, Татьяна Васильевна, и мы закончим.

— Пожалуйста.

— Очень вас прошу, постарайтесь вспомнить точно. Вот вы в субботу утром приехали домой, поднялись на свой этаж. Так?

— Так.

— Вы сразу вошли в квартиру?

— Нет. Позвонила к соседке, к Марье Николаевне. Взяла Сашины ключи.

— Ими и открыли дверь?

— Да.

— А где были ваши собственные ключи?

Она опустила голову и ответила тихо, почти шепотом:

— Они лежали на столе в кухне.

— Вы могли их забыть, когда покидали квартиру накануне вместе с братом?

— Нет. Я заперла оба замка.

— Точно?

— Я это ясно помню.

— И куда положили ключи?

— В сумочку.

— Потом брат отвез вас на работу?

— Да.

Степанов давно отметил, что Никитина не удивляется ни содержанию его вопросов, ни порядку, в котором они задаются. Допрос был похож на разговор двух людей, решающих совместно одну математическую задачу. Им известен ответ, но требуется найти кратчайший путь решения.

— Как вы сидели в машине? — спросил он.

Она отвечала, не задумываясь и как бы виновато:

— Понимаете, на мне были новые туфли, немножко жали. Я села сзади, надо было подложить под пятки. Брат дал мне газету.

— А сумочка где лежала?

— На переднем сиденье.

Предположение, неясно обозначившееся у Степанова при возвращении от Клавдии Степановны, на мосту против Краснохолмской набережной, кажется, не обмануло его. Следующий вопрос он задал столько же для пользы дела, сколько и для того, чтобы как-то отвлечь Татьяну Никитину от мыслей о брате.

— Вы, когда принесли мне пакеты, Татьяна Васильевна, сказали: Толя их где-то купил. Но зачем сразу десять штук?

— Он сказал — это тебе для картошки.

— Фирменные пакеты — и для картошки?

— Они же не фирменные. Вы видели, мажущся.

— Вы почему принесли пакеты? Подумали, что-то тут не так?

Она сказала с тоской:

— Ничего я не думала... Толя принес... И «Марльборо» это, и монету золотую... Я думала, вам поможет...

Больше Степанову не о чем было ее спрашивать. На прощание сказал как-то по-домашнему:

— Вы, Татьяна Васильевна, постарайтесь ни о чем никому пока не говорить. А себя не терзайте...

То, что еще днем раньше представлялось Степанову расплывчатым и рваным, как клочья бегущих облаков, принимало очертания чего-то осмысленного.

Он был далек от желания упрекать Татьяну Никитину в том, что сомнения и угрызения совести посетили ее не на три недели раньше.

Более того, он поражался, что молодая женщина смогла при сопоставлении фактов, которые должны были казаться ей совершенно обыкновенными в ее нынешних обстоятельствах, зайти так далеко — до познаний на родного брата. Степанов не считал себя психологом и не брался определить, каким путем умозаключений и когда именно Татьяна Никитина связала воедино три факта: вспышку брата по поводу вещей Анатолия Никитина, свои ключи, обнаруженные на кухонном столе утром в субботу, и убийство. Сейчас это не имело значения. Важно, что она сказала все, что знала и чувствовала.

Если ее брат Леонид Васильевич Лярин причастен к преступлению, то, надо полагать, это не рядовой мерзавец. А что есть у следствия? Какие доказательства, улики? На косвенные — вроде, например, показаний Никитиной — Степанов смотрел глазами тех судей, которые принимают в свое производство законченное им дело. Покажи человеку ворох листьев, скажи: «Вот тут росло дерево, эти листья с него». Он тебя спросит: «А где же дерево?» И что ты ответишь?

Степанов решил не вызывать пока Леонида Васильевича Лярина на допрос.

До возвращения Баскова оставалось несколько дней.

14

Басков вошел в кабинет к Степанову бодрый и веселый. Лицо у него было загорелое после Баку.

— Ты как с курорта, — сказал Степанов.

— Там солнышко жарче нашего. — Басков сел у раскрытого окна, закурил и продолжил: — Не помню, Иваныч, говорил я тебе или нет... Мне отец рассказывал, у них на фронте, кому письмо приходило, плясать заставляли.

И Басков во всех подробностях описал встречу с Юрием Конюшковым.

Степанов попытался изобразить такой вид, будто ничего в этом сногшибательного для него нет, что, мол, он предугадывал именно такой вариант. Но Басков достаточно давно знал Степанова, его не могло обмануть это наивное и неумелое притворство. Причем самое наивное заключалось в том, что Степанов вот так притворялся только перед своими товарищами и никогда перед другими людьми. И это была, если не считать тщательно скрываемого чревоугодия, пожалуй, единственная его слабость.

— Чего ж не радуешься? — спросил Басков, с удовольствием наблюдая, как самодовольно он пыжится. — Я-то этим пакетам никакого значения не придавал, а ты как в воду глядел.

Степанов наконец не выдержал, встал, хлопнул Баскова по плечу и улыбнулся.

— Это, Леша, лучше мне любого письма. А тебе я тоже кое-что покажу.

Он дал Баскову протокол последнего допроса Татьяны Никитиной. Басков прочел и даже присвистнул.

— Вот какие повороты, — сказал Степанов.

— Любопытно бы взглянуть на этого благодетеля. У тебя карточка есть?

Степанов достал из дела фото Леонида Васильевича Лярина. Басков, разглядывая мужественное, крепкое лицо с резкой складкой между густыми бровями, подумал, что, если бы наложить на портрет Лярина фотографию его сестры, не совпала бы ни одна черта, и все же он испытывал ощущение, что сквозь плотную сатинированную карточку, которую он держал перед собою, глядит на него, словно просвечивая, лицо Татьяны Никитиной.

— Красив. Ты его вызывал? — спросил Басков.

— Думаю, преждевременно было бы.

— Ничего новенького о нем нет?

— Как кристалл.

Они уточнили кое-какие детали предстоящих действий, и Степанов пошел на доклад к начальнику управления.

На обратном пути из Кировабада в Москву Юра Конюшков позвонил с бакинского телеграфа домой, матери. Несмотря на расстояние, мать, вероятно, поняла, что сын ее пьян, поэтому разговор был долгим, Юре пришлось оправдываться и врать. Повесив трубку, он сообщил стоявшему рядом Денису Барышеву, что его матушка страдает астмой, каждую весну вынуждена покидать столицу. Помогает ей только Южный берег Крыма, куда она и отбывает завтра, так что квартира будет в полном их распоряжении.

...Как и предрекал Басков, путешествие на автомобиле вдвоем оказалось весьма удобным, в основном для Юры Конюшкова. Барышев умел водить, правда, не так лихо, как хозяин машины, и именно он сидел за баранкой почти всю дорогу, поскольку Юра все время был под хмелем...

Четырехкомнатная квартира, полученная еще отцом Юры, располагалась в доме старой постройки в самом центре Москвы. Жить в ней было несравненно удобней и привольней, чем в самой лучшей гостинице. Но у Барышева еще в пути возникла проблема: он имел с собой всего две смены белья, и выход был единственный — самому устраивать постирушки. Утешала надежда, что по приезде в Москву Юру не заставит слишком долго ждать тот условный телефонный звонок, после которо-

го он должен передать гражданину по имени Ося привезенные из путешествия три с половиной тысячи рублей.

Едой они были обеспечены по крайней мере дня на три: мама Юры оставила полный холодильник разнообразных продуктов. Но спиртного не было ни капли, и Юра сильно огорчился. Барышев попробовал его урезонить, но Юра заявил, что умрет, если сейчас же не выпьет. Пришлось им сходить в магазин, где Юра закупил водки впрок.

15 мая, во вторник, около десяти утра зазвонил телефон. В квартире стояло три аппарата: в спальне хозяйки, в гостиной и на кухне. Звонил работал у кухонного аппарата, к которому и подошел уже успевший опохмелиться и потому великолепно настроенный Юра. Барышев снял трубку с аппарата в гостиной.

— Явился? — услышал он густой баритон, как будто чем-то недовольный.

— Привет, Ося, — весело ответил Юра.

— Порядок?

— Полный.

— Ты, вижу, с утра пораньше начал. Тебе за баранку нельзя, в витрину въедешь. Бери такси, — командовал Ося.

— Обязательно. И к тому же у меня покрывки лысые, как коленки.

— Тогда так. Через час на проспекте Мира против Банного переулк. Знаешь?

— Ну еще бы!

— Если от центра — с правой стороны.

— Понял. Но, Ося, дорогой, через час не могу. Побриться надо, то да се. Давай через два, а?

Юра разговаривал с Осей точно так, как научил его заранее Барышев. Надо было дать время Баскову.

— Ладно, — согласился Ося. — Ровно в двенадцать. Но без опозданий. Бабки не потеряй.

— Ося, ты меня не уважаешь!

— Не трепись. Чао! — И Ося повесил трубку. Барышев тут же позвонил Баскову.

Басков приехал на служебной машине через полчаса.

Юра, побрившийся и освежившийся французским одеколоном, одетый в дорогой светлый костюм, выглядел все-таки не лучшим образом. Баскова он принял в своем доме как старого доброго знакомого.

— Присядем, — сказал Басков.

Они сели в гостиной на мягкие стулья, стоявшие в ряд у стены, и это напоминало театральную ложу, только без барьера.

— Где деньги? — спросил Басков.

Юра встал, подошел к пианино и взял с него кейс, потом вернулся, положил его на свой стул и открыл. Кейс был полон бумажными кирпичиками одинаковых размеров. Лишь один отличался от других, был побольше, но потоньше.

— Сколько? — спросил Басков.

— Тут три с полтиной, — сказал Юра.

— И все трешками?

Юра показал на большой и тонкий кирпичик.

— Робби всегда платит крупными. А остальные отдают и рублями.

— Робби — это Роберт Рзаевич?

— Да.

— Теперь слушайте. Мы подъезжаем, вы садитесь к Осе и в машине отдаете деньги, так?

— Ну!

— Надеюсь, он не пересчитывает?

— Ха! По тротуару народ ходит.

— Перекладывает деньги в свою тару?

— У Оси есть такой же кейс.

— Ну да, как в шпионских фильмах. Это понятно. Так вот, когда поменяетесь чемоданчиками, открывайте дверцу и выходите.

— И на этом моя миссия закончена? — с надеждой спросил Юра.

— Пока да. Вернетесь в такси, поедете домой. Но с уговором надолго не отлучаться, вы нам понадобится. И мой вам совет: кончайте пить. Посмотрите, на кого вы похожи.

— Мерси! — без особой обиды поблагодарил Юра.

В такси Юра сидел рядом с водителем, Басков и Барышев — сзади. Служебная машина, в которой ехали Фокин и эксперт Михайлов, держалась метрах в пятидесяти за такси.

Когда миновали станцию метро «Проспект мира», Басков сказал:

— Смотрите внимательно. Нам надо не доехать до него шагов на полсотни.

Впереди не было стоящих у тротуара легковушек, лишь одинокий продовольственный фургон. Обогнув его, они увидели вдали белые «Жигули».

— Еще немножко и стоп, — сказал Юра водителю.

Выйдя из такси, он зашагал неторопливо, помахивая кейсом.

Как только Юра сел в машину Оси, Басков тоже вышел на тротуар. Когда он поравнялся с белыми «Жигулями», дверца машины распахнулась. Басков ухватился за нее, Юра поразительно ловко выскочил на тротуар с кейсом в руке. Басков сел рядом с Осей и захлопнул дверцу.

— Что такое? Вон отсюда! — закричал Ося.

Басков зажал себе ладонями уши.

— Потихе, Ося, оглохнуть можно.

Ося завел мотор и чуть повернул руль влево.

— Я вас сейчас первому милиционеру сдам!

Басков ткнул его в бок локтем и кивком показал на заднее сиденье, где лежал кейс.

Ося посмотрел ему в лицо. Жгучий это был взгляд, но что-то как бы поддрагивало, пульсировало в нем, мешаясь с ненавистью.

— Кто вы такой? — спросил Ося нормальным голосом и выключил зажигание.

Басков показал служебное удостоверение.

— Так что не надо милиционера.

Басков оглядел Осю. Тот чем-то напоминал Роберта Рзаевича Ситпаева — такой же упитанный, холеный, ухоженный, может быть, немного покрупнее. Даже злоба и испуг не согнали румянца с его тугих щек.

— Что вы должны делать с деньгами? — спросил Басков.

— С какими деньгами? — попробовал удивиться Ося. Но это было и наивно, и слишком запоздало: минутой раньше, когда Басков жестом напомнил ему о лежавшем на заднем сиденье кейсе, он вполне выдал себя.

— Не надо так грубо, Ося, — посоветовал Басков. — Кстати, как ваше полное имя-отчество? А то как-то неудобно.

— Иосиф Георгиевич, — сказал Ося и почему-то насмешливо усмехнулся, похоже, в собственный адрес.

— Так что с деньгами, Иосиф Георгиевич?

— Отдать.

— Кому? Когда? Где?

Ося молчал; казалось, он не слышал Баскова. Можно было догадаться, как усиленно работает сейчас его мысль.

— Значит, вы вроде инкассатора? — спросил Басков громко.

Ося дернул плечом, словно стряхивая оцепенение.

— Если вам так угодно.

Басков открыл дверцу, махнул рукой. Барышев покинул служебную машину, подошел.

— Давай-ка за руль, — сказал ему Басков и предложил Осе: — Пересядем, Иосиф Георгиевич.

Басков поместился сзади. Ося подвинулся, уступив руль Барышеву.

— На Петровку, — сказал Басков.

... Машину поставили во дворе дежурной части. Пока Барышев искал понятых для процедуры с деньгами, пока разъяснял им их права и обязанности, Басков позвонил Степанову, чтобы приезжал на допрос Оси. Но можно было и не спешить, потому что из первого допроса ничего путного не получилось.

Степанов поставил Осю в известность, что в связи с пакетами «Марльборо» возбуждено уголовное дело, и начал задавать вопросы.

Сообщенные Осей чисто анкетные данные можно было узнать из паспорта, который оказался при нем: Гольдмания Иосиф Георгиевич,

год рождения — 1943-й, место рождения — Ереван, прописан в Москве, невоеннообязанный, женат. Сверх того, он сообщил, что работает начальником отдела снабжения на заводе химических товаров бытового назначения. На главный же вопрос — кому, где и когда он собирался передать деньги — Ося ответил, что должен отвезти чемодан в поселок по названию Совхоз, в сорока двух километрах от Москвы, оставить в доме, где живет Егор Друкин.

— Кто такой Друкин? — спросил Степанов.

— В совхозе работает.

— Деньги ему передать? — уточнил Басков.

— Его нет. Я же сказал — оставить в тайнике.

— А когда?

— Сегодня. Как стемнеет.

Степанов пытался начать разговор о происхождении пакетов «Марльборо», но Ося, сославшись на головную боль, попросил дать ему отдохнуть и подумать.

— А кто заберет деньги? — спросил Басков.

— Кто-нибудь, — раздраженно сказал Ося.

— Друкина, вы говорите, нет. Как вы войдете в дом?

На столе, среди вещей, отобранных при личном обыске, лежали ключи на брелке. Брелком служила пачечка разнокалиберных пластинок — они изображали американские банкноты, от долларовой до тысячедолларовой. Ося показал на связке два ключа.

— Вот ключи от дома.

— Хорошо, Иосиф Георгиевич. Вы всего лишь инкассатор. Кто же хозяин? Друкин? — спросил Степанов.

— Дайте отдохнуть, — повторил свою просьбу Ося.

— А в доме может оказаться кто-то другой? — задал вопрос Басков.

— Может, да, а может, нет, — уже вяло ответил Ося.

Отправив его в камеру, Басков вызвал Фокина, объяснил задачу. Фокин поехал в поселок под названием Совхоз.

Басков со Степановым пошли к начальнику управления уголовного розыска. Тот пригласил своего первого заместителя, и Басков доложил обстановку. Советались до шестнадцати часов. Было выработано два варианта действий. Выбор зависел от того, что скажет Ося, поразмыслив в камере.

Басков отправился домой, на Новослободскую, а Степанов в прокуратуру.

Сын Сашка только что вернулся из школы. Они вместе пообедали, а потом Басков решил переодеться. Прикидывая, во что, он вспомнил строчки из журнала мод, которые однажды прочла ему жена. Одежда, как предписывают тонкие правила этикета, должна соответствовать... Чему? Одну фразу он помнил наизусть: «Элегантный мужчина конца двадцатого века стремится, чтобы наряд соответствовал его облику, характеру, настроению». Вот именно — настроению. Лучше не скажешь.

Поссорился с женой — надевай пиджак из кожзаменителя каменно-угольного цвета и иди в магазин за вареной колбасой, помирились — переоденься в элегантные брюки цвета весенней пашни и садись к телеку. Замечательно все-таки, что существуют журналы мод. Они всегда вам подскажут, когда, что и как.

— Саша, ты мои старые синие джинсы не видел? — спросил Басков у сына.

— В моем шкафу посмотри, — подсказал Сашка.

Точно, джинсы были в шкафу. Потертая кожаная куртка — на вешалке у двери. Кроссовки — под вешалкой. Через пять минут он был одет согласно тому разделу правил этикета, который начинается словами: «Отправляясь на вечерний прием...» Если слегка вольно трактовать веления моды относительно соответствия одевания настроению, то следовало считать Баскова в данный момент одним из самых элегантных мужчин. Не хватало только пистолета под мышкой. Но позже, вечером, у него будет и пистолет «Макарова» калибра девять миллиметров...

Фокин приехал из совхоза в девятнадцать тридцать. Он узнал, что Егор Петрович Друкин, в чьем доме Ося намеревался оставить деньги, работает начальником мастерских парникового отделения. Прибыл он в совхоз из Калуги. Неделью назад взял очередной отпуск и поехал отдыхать, если сведения верны, именно в Калугу.

Потом Фокин попросил лист бумаги и карандаш и начал рисовать. Проведя на левой половине листа сверху вниз две параллельные линии, объяснил:

— Это шоссе. — Под тупым углом от шоссе вправо он провел еще две параллельные линии. — Это отвилоч. — На конце отвилка, справа от него, начертил маленький прямоугольник. — Это совхозные мастерские парникового отделения, длинный одноэтажный кирпичный барак. — Напротив барака он нарисовал квадратик и к нему приделал скобочку. — Здесь дом Друкина. Из толстой сосны. С верандой. Вход через веранду. Дом подсоединен к электролинии, есть и телефонный кабель, телевизионная антенна. Огорожен штакетником. На участке за домом стоит гараж из белого кирпича. Дорожка к гаражу бетонированная. — Он нарисовал выше прямоугольника и квадрата такие же геометрические фигуры различной площади. — Справа совхозные постройки и поля, слева кирпичные жилые дома.

— Спасибо, Сергей, — сказал Басков. — Отправь запрос в Калугу.

В надежде, что Ося что-нибудь все-таки надумал, Басков велел доставить его в кабинет. Однако ничего нового он не сказал. Если в нем и произошли за время пребывания в камере какие-нибудь перемены, то они выражались лишь чисто внешне — исчез румянец со щек. И в глаза он не смотрел прямо.

— Ну что ж, как стемнеет, поедем в совхоз, — сказал Басков. — Вас кормили?

— Не хочу, — ответил Ося.

Фокин и Коротков уехали на служебной машине в 22.30. В 23.00 со двора дежурной части тронулись белые «Жигули». На месте водителя сидел Денис Барышев, рядом с ним Ося, а сзади Басков. На сиденье возле Баскова лежал пустой кейс.

Ося показывал дорогу. Доехали до кольцевой, по ней сделали десяток километров, потом свернули на шоссе к совхозу.

По бокам тянулся молодой березовый лес, распутившийся еще не в полный лист. Шорох шин стал слышнее. Запоздавшая галка или ворона, не разобрать, летела быстро, вровень с ними, вдоль дороги над сквозящими кронами березок, наверное, ночлег у нее был где-то в матером лесу.

— Лажа это все, лажа! — с неожиданной страстью сказал вдруг Ося, подаваясь вперед всем корпусом. Казалось, он убеждал кого-то, спорящего с ним. — Говорил я Лене, а он... — Ося ударил ребром ладони по козырьку щитка. — Вот тебе и дуплет.

— Леня — это ваш хозяин, что ли? — поинтересовался Басков.

Ося не ответил.

Березовый лес кончился. Справа, вдаль, горели два ряда белых огней, как улица в городе. Это и был совхоз.

Крутанув на отвилке, Барышев остановил машину и вышел.

По плану отсюда он должен идти в поселок пешком. Если в доме Друкина кто-то есть, его встретит Фокин, и Барышев должен предупредить Баскова. Если нет, Барышев занимает предназначенную ему позицию, которую укажет Фокин.

Ося повернулся к Баскову.

— Хочу сказать... — Он почмокал губами и замолк.

На приборной панели мигала алая пуговка поворота — Барышев забыл выключить. Смешанный, как от радуги, свет панели подсвечивал белки широко открытых глаз Оси, и Баскову казалось, что он ощущает на своем лице жаркий их отблеск.

— Хочу сказать, я преступник, подлец, что угодно... — Ося говорил медленно, с болью, отсекая слово от слова, как ножом. — Что угодно, но... — Он опять замолк. Басков ждал продолжения, но Ося отвернулся.

Пуговка на панели все мигала.

— Садитесь за руль. Выключите сигнал поворота, — сказал Басков.

Хотел ему Ося что-то сказать, определенно хотел. На весах каких-то взвешивал, но что?

Издali Басков узнал по чертежу, который чертил Фокин, длинный барак мастерских и дом с верандой. Окна дома были темны.

Барышев их не встретил...

Ося съехал на бетонную дорожку, выключил зажигание.

— Приехали? — спросил Басков.

— Вот. — Ося кивнул на дом. — Никого нет.

Ося первым поднялся по пяти ступеням. Дверь веранды была не заперта. Найдя на связке нужный ключ, Ося открыл входную дверь; пошарив по стене, щелкнул выключателем. Они стояли в длинном коридоре. Слева было две двери, справа — одна.

Ося пошел в дальнюю левую дверь, зажег там свет. Басков — за ним. Это была кухня. Газовая плита, холодильник, эмалированная мойка, пестрый серый линолеум, на окнах шторы с яблоками, грушами и прочими фруктами — все как в городской квартире.

Вернулись в коридор. Басков показал на ближнюю к веранде дверь, мимо которой Ося прошел.

— А тут что?

— Кладовая.

— Посмотрим.

Басков сам нашел выключатель.

Кладовая, размером ровно с кухню, пустовала. Вдоль стены стояло нечто вроде верстака. Окон нет.

По другую сторону коридора располагались две комнаты, первая — проходная.

Ося зажег свет в обеих. Басков осмотрел их. Вторая служила спальней — деревянная кровать, шкаф, тумбочка с лампой под желтым абажуром, в углу телевизор на большой тумбе. «Цветной», — отметил про себя Басков.

В первой комнате — круглый стол, стулья, сервант и два дивана, поставленные по стенам углом.

— Вы что же, деньги посреди комнаты бросаете? — спросил Басков, ставя кейс на стол.

Видимо, что-то все-таки надломилось в душе у Оси, когда он так неожиданно заплакал там, в машине.

— Есть тайник, — сказал он, подошел к дивану у торцевой стены, отодвинул его, нажал ногой на плинтус. Что-то щелкнуло, из стены выдвинулся на высоте колена широкий, но не глубокий ящик.

Басков заглянул в него. Содержимое ящика выглядело довольно причудливо. Банка из-под индийского растворимого кофе. Корень женьшеня. Прозрачные резиновые медицинские перчатки. Стальной шар чуть меньше теннисного мяча с приваренной к нему короткой петлей из велосипедной цепи, к цепи привязана другая петля, резиновая, — это са-модельный кистень. Басков взял кофейную банку, она была тяжелая не по объему, словно литая из свинца. Тряхнув ее, Басков услышал мелодичный звон.

— Вы присядьте, — сказал он Осе.

Сам он сел к столу так, что через открытую дверь комнаты ему была видна входная дверь, ведущая на веранду. Ося хотел выключить свет в коридоре, но Басков сказал:

— Пусть горит.

Ося сел напротив.

Басков собирался закурить, когда увидел в коридоре человека. И тут же услышал стук своего сердца, можно считать удары без пульса.

Он невольно посмотрел на его ноги. Адидасовские кроссовки, точно такие, как на нем самом. Только новые. Вот почему он так неслышно появился. Но откуда? Через окно в кухне? Оно закрыто. Басков верил своему слуху, он засек бы даже шелест газеты, если бы кто-нибудь разворачивал ее на кухне. Невозможно совершенно бесшумно открыть окно, пусть оно и не заперто.

Поднимая взгляд выше, Басков увидел синие спортивные брюки, потом серый свитер и, наконец, лицо. Серо-голубые глаза смотрели на него брезгливо. Рослый, плечистый, блондинистый. Что-то зыбко знакомое чудилось Баскову в его облике.

Руки человек держал за спиной. Утихшее было сердце снова заставило считать свой удары...

Может быть, целую минуту длилось это взаимное разглядывание, а Ося ничего не замечал.

Человек нарочито кашлянул. Ося обернулся.

— Дай ключи от машины, — приказал человек. Он разговаривал так, словно Баскова здесь не было.

Ося встал, отдал ключи.

Басков повернулся на стуле левым плечом к двери и сунул правую руку за борт куртки. Человек, принимая левой рукой ключи от Оси, смотрел не на него, а на Баскова. Он следил за его движениями, и Басков видел это, видел, что свою правую руку человек по-прежнему держит за спиной.

— Садись, — сказал человек.

Ося сел лицом к нему.

Человек посмотрел на выдвинутый ящик тайника.

Басков следил, как за стрелкой индикатора, за правым локтем человека. В тот миг, когда эта стрелка дрогнула, он скользнул на пол, выхватил из куртки пистолет.

Прогредел выстрел. И тут же второй.

Патрон был уже в патроннике, но человека в двери Басков не увидел.

Ося упал со стула. Теперь он неуклюже поднимался. Из-под закатанного рукава черной рубахи по белому предплечью в сложенную горстью кисть широким ручьем бежала кровь.

Басков ни на секунду не терял над собой контроля. Он видел, что дверь на веранду не открывалась. Он знал, что кто-то из его товарищей

блокирует выход из дома. Человек мог исчезнуть только на кухню. Но через окно ему тоже не уйти.

Поднявшись, Басков подбежал к двери, поглядел в щель между дверью и косяком. В коридоре пусто. Кладовую можно не проверять... Сквозь звон в ушах он услышал тихий голос Оси и оглянулся.

— Он там.— Ося показывал пальцем в пол.

— Погреб? — догадался Басков.

— На кухне... Нажать под окном. Ход в мастерскую... — Ося вдруг сполз со стула.

Басков ужаснулся: на полу уже образовалась лаково блестящая большая лужа крови. Вероятно, у Оси задет крупный сосуд.

Басков выскочил через веранду во двор. Слепой после ярко освещенной комнаты, зажмурился на секунду, чтобы быстрее привыкнуть к темноте, позвал:

— Фокин!

— Леша, мы здесь! Сергей на дороге!

Это был Коротков. Возле угла, откуда было видно темное окно кухни, стоял Барышев.

Басков сказал Короткову:

— Он в мастерской. Крикни Сергею, пусть перекроет. За тобой окна.

— Окна с решетками.

— Тем лучше. Валяйте вместе.

Коротков выбежал через калитку.

Басков подозвал Барышева.

— Денис, где наша машина?

— Вон.— Барышев махнул рукой.

Их серая «Волга» стояла на дороге, закрыв выезд с бетонной дорожки.

— Возьми аптечку. Ося ранен. Перевяжи. Быстро! — И бросился в дом.

Ося лежал навзничь с закрытыми глазами. Лужа расплзлась еще шире.

Басков крадучись достиг кухни, зажег фонарик, затем включил лампу и осмотрел пол.

Пестрый узорчатый линолеум не позволял разглядеть какие-нибудь очертания люка, крышки хода, ведущего в подвал. Басков открыл окно и неожиданно услышал топот на дороге, а выглянув, увидел троих — Фокин и Коротков вели человека в сером свитере.

— Стойте там! — крикнул Басков.

Барышев сидел на корточках над недвижимым Осей. На левой руке у самого плеча чернел резиновый жгут, завязанный бантом, как на детских ботинках. Пуля попала в бицепс, рана сквозная.

— Как?

— Не течет,— сказал Барышев.

— Сердце?

Барышев поискал пульс на пухлом запястье раненой руки.

— Проверьте ваши часы. Раз, два, три...— Счет был нечастым.

Басков поморщился.

— Не знал, что ты такой шутник.

— Подумаешь... А он не шутник, Алексей Николаевич?

— Ладно. Перенесем. Кликни Короткова. Жгутик отпусти немно-
го.

Басков стал искать Осину пулю. Та, что предназначалась ему, скорей всего ушла наискосок в стену, разделявшую комнаты, ее сейчас не найдешь.

Чуть сплюснутый свинцовый цилиндр он нашел, как ни странно, под столом. Калибр 7, 62. Наверно, из старого отечественного стрелял. Басков опустил пулю в кармашек рубашки, застегнутый на пуговицу.

Пришел Барышев. Вдвоем они еле-еле донесли Осю до «Жигулей», положили на землю возле машины.

Басков вернулся, взял со стола связку Осиных ключей. Прежде чем выключить свет, он оглядел себя. Джинсы и руки были перемазаны кровью. Но вся кровь на полу успела свернуться и засохнуть.

Закрыв окно в кухне, выключив везде электричество и выйдя на веранду, он минут пять ковырялся с дверью: ключей в связке Оси было не менее двенадцати штук.

Барышев был при Осе. Трое стояли на дороге. Басков пошел к ним.

— Из чего стрелял?

— Тэ-тэ. В обойме пять патронов,— сказал Фокин.

Басков подержал в руке пистолет. С такими, отец рассказывал, воевали на фронте. Но этот был как новенький.

— Ключи от машины при нем нашли?

— Вот. В кроссовку засунул.— Коротков протянул ключи.

— Нет,— сказал Басков.— Идем погрузим Осю, и гони в больницу.

Они с трудом поместили Осю на заднее сиденье, и Коротков уехал.

Басков закурил, поглядел на стрелка. Он, как там, в доме, держал руки за спиной, но сейчас на них были наручники. И осанку он имел не такую великолепную.

Только тут Басков отметил одно несообразие: человек в дачном облачении и вооружен. Не ехал же он из города вот так, с пистолетом в руке. И на чем ехал? Но сейчас было не до этого.

— Сергей, ты останься,— сказал Басков Фокину.— Утром приедем.— Басков кивнул на задержанного.— Как это вы его?

— Еле успели. Выскочил из двери. Коротков подножку, я сверху. На циферблате автомобильных часов было десять минут первого.

Со всяким так порою случается: прочел, скажем, где-то когда-то давно заметку о вреде курения, обнадеживала и ободряла, что, мол, среди бросивших вредную привычку даже после шестидесяти пяти лет смертность от сердечных заболеваний на пятьдесят два процента ниже, чем у небросивших, и хочется почему-то непременно вспомнить, в какой газете она была напечатана. Иногда и уснуть человек не может, мучается, пока не вспомнит, хотя это и ни к чему, и никому не нужно.

Похожее было с Басковым, когда, приехав во втором часу ночи на Петровку, он отправил в камеру не пожелавшего разговаривать неудачливого стрелка.

Отчасти безотчетно, но все же повинуюсь раздражающему желанию вспомнить, он достал из сейфа фоторобот «Тренера», сделанный со слов Касимова и Брошина. И точно, стрелок мог бы послужить моделью для этого фотопортрета...

Они начали утром в половине десятого. Привели стрелка. Были готовы четверо мужчин, подходящих по комплекции и летам. Были понятые. Стульев в кабинете у Баскова не хватало, добавили стульев. Касимов и Брошин сидели в соседнем кабинете.

Процедура опознания длилась не дольше обычного, с единственной секундной заминкой. Перед тем как ввели Брошина, стрелок сидел с опущенной на грудь головой, ему велели поднять голову и держаться прямо.

Брошин и Касимов опознали «Тренера» без малейших колебаний. Был составлен протокол, и в кабинете остались трое: Степанов, Басков и «Тренер». В коридоре у двери прохаживался конвоир.

«Тренер» согласился давать показания и назвал себя: Брылин Константин Антонович, 1948 года рождения, уроженец Москвы, холостой, работает инструктором в ДСО «Урожай».

На вопрос о документах Брылин ответил, что они в его костюме, а костюм и туфли — дома у Егора Друкина, в шкафу. Таким образом разрешился и вопрос о несообразии одеяния, мелькнувший у Баскова ночью там, в совхозе...

На этом месте Степанов неожиданно прервался.

— Вы на минутку выйдите, — сказал он Брылину.

Басков позвал конвоира, тот вывел Брылина в коридор.

— Ты чего? — спросил Басков.

— Ося в машине какого-то Леню поминал, да? — Он ногтем постучал по магнитофону.

— Ну?

— А брата Татьяны Никитиной как зовут?

— Я об этом и не думал. Леонид, что ли?

— Угу. Подожди-ка...

Степанов заглянул в папку с материалами дела, снял трубку с телефона, но, прежде чем набрать номер, спросил:

— Машину организуешь?

— Попробую.

Степанов позвонил Никитиной. Она узнала его по голосу.

— Слушаю, Михаил Иванович.

— Вы сможете отлучиться часа на полтора? За вами приедут.

— Конечно.

Басков организовал машину. Степанов сказал:

— Знаешь, Леша, я, кажется, не совсем готов к допросу этого субъекта. А если сейчас Никитина сообщит нам кое-что, так и подавно.

— Отправить его?

— Пожалуй.

Конвоир увел Брылина.

С телетайпа принесли ответ из Калуги.

Друкин Егор Петрович оказался дважды судимым. Оба раза за квартирные кражи. По специальности слесарь-наладчик типографских машин и оборудования, по отбытии последнего срока работал на стройках. Выписался из Калуги три года назад.

Татьяна Никитина, когда вошла, имела вид недоуменно-недоверчивый, может быть, потому, что не в тот дом ожидала попасть. Степанов не предупредил ее, что приглашает не к себе в прокуратуру, а на Петровке она, наверное, раньше не бывала.

Степанов поднялся навстречу.

— Извините, Татьяна Васильевна, надобность заставила.

— Ничего.

Она оглядела стулья, их было в тесном кабинете штук десять. Недоумение еще оставалось на ее лице, вероятно, из-за стульев. А недоверчивость растаяла. Тем более что и Басков был знакомым человеком.

Степанов усадил ее у стола.

— Хочу спросить, Татьяна Васильевна. Не приходилось ли вам слышать такое имя — Иосиф Георгиевич Гольдманян?

— Я хорошо его знаю, — удивляясь как бы не самому вопросу, а тому, что кто-то может сомневаться в ее знакомстве с Иосифом Георгиевичем, ответила она.

— Давно?

— Ну-у... лет десять... Да, я тогда оканчивала институт.

— А как вы познакомились?

Она покраснела, поняв, что ее слова могут не так истолковать.

— Но он же друг моего брата.

— Понятно. Они и подружились десять лет назад.

— Если я не ошибаюсь... Но после оказалось, они учились в одной школе. Правда, Ося года на три моложе, они тогда не водились.

— А что он за человек, Иосиф Георгиевич?

— Ну как?... Обыкновенный... Веселый, компанейский... Они семьями дружат. У него очень симпатичная жена...

Степанов поглядел на Баскова, в задумчивости потер крепко кула-

ком подбородок. Казалось, он боролся с каким-то искушением. И, показавшись, поломав себя, искушение преодолел.

— Ну, спасибо, Татьяна Васильевна. Мы вас еще потревожим. Может быть, даже завтра.

— Хорошо.

Никитину проводили.

Баскову не надо было объяснять, о чем подумал Степанов.

— Чего ж ты заделикатничал? — сказал он. — Повезли бы в госпиталь, она бы его навестила. Милое свидание, и Осе деваться некуда.

Он говорил это просто так, для подначки насчет деликатности, а не из-за нерешительности Степанова. Он бы, наоборот, до глубины души оскорбился за Степанова, если бы кто-то всерьез мог посчитать, что тот способен вот так, выдернув женщину со службы для пятиминутного разговора, пригласить ее на свидание с семейным другом, который лежит в больничной палате с простреленной рукой.

— Да-а, недурственно было бы, — мечтательно проговорил Степанов.

— У тебя Ляня и так в руках.

Степанов встал, прошелся, расталкивая коленями стулья.

— Не знаю, как тебе... Много мы с тобой всякого навидались, а мне что-то жутковато.

Басков не уловил точного смысла этих слов.

— А чего? Все насквозь просвечивается. Брать его надо.

— Я не про то. Ты смотри, компания подобралась. Не часто встретишь.

— Что дальше?

— В совхоз. Посмотрим все как следует... А пока... Не позвонить ли нам в больницу?

Баскову сказали, что Иосифу Георгиевичу сделана операция, ушита плечевая артерия. Была большая потеря крови, ему влита тысяча кубиков. Состояние удовлетворительное, прогноз хороший. Когда с ним можно будет говорить? Если положение не изменится, хоть завтра.

Директор совхоза Иван Иванович Михайлов, небольшого роста, толстяк лет пятидесяти, ленивый в движениях, но с быстрой, отрывистой речью, показывал им мастерскую теплично-парникового отделения. Сообразив, что начальник мастерских замешан, вероятно, в какую-то темную историю, он не очень-то испугался, но озадачился. Шофер-то ему докладывал, что Егор Петрович остался в городе у приятеля, ну, там небольшой загул, с кем не бывает. Арест — это уже посерьезнее...

Малую часть мастерской занимали станки — токарные, сверлильные, шлифовальные, не самых новейших моделей, а большую — какой-то длинный низкий агрегат и несколько агрегатов высоких и узких.

Почему-то ни одного рабочего не было.

— Здесь мы делаем полиэтиленовые покрытия... Для теплиц и парников, — сердито объяснял Иван Иванович.

Степанов показал на штабель сложенных пачками прозрачных пакетов.

— А это?

— Мешочки для рассады. Убыстряют рост. Могут служить защитой от вредителей. В садах. Я не агроном. Не могу подробно.

— И все это, так сказать, на свою потребу?

— Зачем? Кто просит — продаем. Официально. В бухгалтерии задокументировано.

За штабелем в углу увидели откинутую крышку люка.

— Посмотрим там, — предложил Басков.

Вниз вела почти вертикальная железная лесенка с одним металлическим поручнем-прутом, как на корабле или на домне. Степанов и директор, подойдя к люку, украдкой покосились друг на друга, на уровне живота, вероятно, примеряли на себя площадь дыры и испытывали сомнения. Басков спустился первым, зажег свой карманный фонарик, включил электричество и смотрел теперь на них снизу. Наконец они решились.

Во всю длину мастерской, правда, чуть поуже ее, тянулся бетонный подвал. Главное место отведено двум агрегатам, один из них напоминал чем-то типографскую печатную машину. Оба они при свете люминесцентных ламп поблескивали хромом и выглядели щеголевато — не чета верхним собратьям. Вдоль одной стены — деревянные стеллажи, на них разнокалиберные жестяные банки с этикетками — краска. Вдоль другой — широкий прилавок, на нем три груды пакетов, но не таких, как наверху. Они были больше и с прорезями для захвата, чтобы носить в руке.

Под прилавком валялся распоротый с одного края пакет с надписью «Марльборо» — брак.

— А здесь что вы делаете? — спросил Степанов.

Иван Иванович был озадачен больше, чем при вести о начальнике мастерской, но солидность не позволяла и помогала ему это скрывать хотя бы наполовину. Он только стал немного побагровее.

— Первый раз вижу.

Было очевидно, что это правда. Он, словно позабыв о своих неприятных гостях, обошел вокруг агрегатов, оглядел, ощупал, даже понюхал с боков и снизу, с трудом нагибаясь и возмущенно сопя.

— Не понимаю. Первый раз вижу, — повторил он, отряхивая ладонь о ладонь. — Не знаю, на балансе это, не на балансе. Проверить надо.

На торцевой дальней стене подвала была металлическая дверь, запертая на задвижку. Басков открыл ее, зажег фонарик и увидел длинный, как тоннель, сводчатый коридор шириной метра два, упирившийся точно в такую же дверь. Бетонные бока и темя коридора были гладкие, явно не любительской выделки. Открыв дверь и обратив внимание, что

она имела задвижку и на другой стороне, он очутился в бетонированном же, но квадратном и невеликом подвале, на чистом полу которого в углу лежали рядом пачки пакетов «Марльборо» — склад готовой продукции. Посветив в потолок, он увидел крышку люка, запертую устройством, напоминавшим чемоданный замок с пружиной. От него по потолку влево тянулся стальной трос, другим концом связанный со штырем, торчавшим из потолка. Басков догадался, что там, наверху, должна быть pedal этого простого рычажного механизма, которую он безуспешно искал ночью. Поднявшись по лесенке, он потянул за трос, щелкнул замок, рукой он откинул крышку, и в подвале сделалось светло без фонаря. Он хотел подняться, но тут услышал зов, посветил Степанову и Ивану Ивановичу в коридоре и потом помог им взобраться по лесенке.

Между тем Иваном Ивановичем, который спускался через люк в мастерской, и тем, который появился из люка в кухне Егора Петровича, разница была такая, что Басков глазам не поверил. От люка до люка расстояние было, ну, метров с полсотни, но всякий сердобольный человек, посмотрев на Ивана Ивановича, немедленно предложил бы ему помощь, как потерпевшему неудачу путешественнику, пленнику пустыни Каракумы, преодолевшему без воды и пищи гибельные дюны, барханы и такры. Иван Иванович почернел и, кажется, похудел.

Степанов и директор, остановившись в дверях комнаты, там, где ночью стоял стрелявший Константин Брылин, глядели на лакированный пол. Бурые пятна разных форм и размеров покрывали всю половину справа от стола, прочерченные кое-где трещинами, кое-где похожие на лупившуюся от сухости и солнца масляную краску. Пахло душно и сладковато, как в мясном отделе магазина, не хотелось дышать этим воздухом. Иван Иванович вынул платок, стал вытирать шею под воротником рубахи, лоб, все свое одряблевшее вдруг лицо. Степанов был как всегда, ему лишь трапы не приглянулись.

Басков распахнул окно, пошел в спальню, открыл шкаф. Одежду Егора Петровича легко было отличить от дорогого серого костюма Брылина. Басков взял его. На дне шкафа стояли узконосые светло-коричневые туфли, их он тоже взял.

Степанов с директором вернулись в кухню и сидели у стола. Басков спустился в подвал, выдернул из пачки два пакета, сложил костюм и туфли и поднялся наверх.

Он поглядел на собеседника, и ему стало жаль Ивана Ивановича. Директор повествовал об истории создания мастерских. Ему было трудно. Фразы его стали еще короче и отрывистей, и произносил он их так, словно для каждой требовалась остановка, чтобы собраться с силами. Казалось, после каждой из них он не станет продолжать, а спросит с горечью: «Но как же так?!»

В связном переложении с директорского рассказа история вырисовывалась так.

Четыре года назад совхоз постановил обзавестись тепличным и парниковым хозяйством — дело, как известно, прибыльное. Посоветовавшись в столице со сведущими людьми, директор решил поставить все на широкую ногу, с использованием достижений агротехнической науки и в духе современных веяний. Стеклашки в жидких рамочках — это уже старо, это еще при Екатерине Второй в Санкт-Петербурге умели, да еще и лучше нашего, вплоть до ананасов или там орхидей с острова Борнео. Сейчас царица, императрица и королева — пленка. Есть у тебя пленка — ты с миллионом, нет — считай копейки.

Сведущие люди познакомили директора с Иосифом Георгиевичем Гольдманияном, заместителем начальника отдела снабжения и сбыта на заводе, где производят пленку. Он помог на первых порах побыстрее, вне очереди что ли, получить ее. Но все было на законных основаниях, в общем порядке, все задокументировано. Только побыстрее.

А потом Иосиф Георгиевич подал конструктивную мысль: почему бы совхозу не наладить собственное небольшое производство? Пленку ведь надо клеивать или там сваривать. Очень перспективное направление — использование полиэтиленовых мешочков. Их тоже можно самим производить. Ну и так далее.

Мысль понравилась, но необходимо соответствующее оборудование, надо возводить специальное под это здание.. Иосиф Георгиевич обещал всемерную помощь, а так как начинать надо со строительства, он познакомил директора со своим другом, инженером строительно-монтажного управления Леонидом Васильевичем Ляриным. Тот проявил полное понимание задачи и принял идею всей душой. Может быть, при выполнении и оформлении подрядных работ были допущены некоторые вольности, но самую малость, ничего особенного, не страшнее обычного, как у других, без этого не обойдешься, потому что в конце-то концов все на общую пользу.

Леонид Васильевич в кратчайшие сроки поставил вот это здание мастерских, а заодно и вот этот дом для будущего начальника, которого, кстати, он же несколько позже и порекомендовал, и оказался Егор Петрович мастером — золотые руки.

В две недели мастерские были готовы, а оборудование начали завозить еще в разгар строительства. Иосиф Георгиевич сдержал слово, помог благодаря своим служебным связям пробить заявку на списанные где-то устарелые станки и машины, обошлись они совхозу дешевле махорки.

Заодно, между прочим, не выходя за пределы договорной сметы, строители подновили всю дорогу в пределах расположения совхоза.

Ну, затем смонтировали оборудование, составили штаты теплично-парникового отделения и его мастерской, укомплектовали, и уже в следующем году не только все затраты окупились, но еще и с прибылью свели тепличную статью совхозного бюджета. А через год прибыль утроилась, и в этом году надо ожидать дальнейшего роста доходов.

Так что сетовать директору на затею с теплично-парниковым отделением не приходится.

Об остальном, что касается мастерской, Иван Иванович знать не знал, ведать не ведал. Об остальном Степанов знал сам.

— Вы, как понимаю, в дела мастерской не очень-то вникали, — не то спросил, не то утвердительно сказал Степанов.

— Работают хорошо. Доход обеспечивают... Что лишний раз тербить? Только людям мешать. Есть послабее.

— Скажите, Иван Иванович, а вы незнакомы с Брылиным Константином?

— С каким Брылиным? Не знаю таких.

— Может, он у вас числится?

— Сейчас. — Директор подошел к серванту, где стоял телефон, набрал трехзначный номер.

— Зоя, возьми штатное, посмотри — Брылин... Да, Брылин. Ты что, мать, оглохла?

Он минуты две стоял, утираясь платком.

— Да. Так... Все. — Положил трубку и сказал: — Числится. Авто механик. Сто десять карбованцев. — Почему-то он назвал рубли по-украински. — Никогда не видал.

Чтобы не гонять двух молодых толстяков по трассе с препятствиями, Басков пробежал по ней в одиночку, отпер дверь с веранды, выпустил их на свежий воздух, закрыл на задвижки обе железные двери в подземном коридоре, захлопнул люк, закрыл окно и наконец вышел сам. Запирая дверь дома, он услышал, как Иван Иванович говорил в сердцах Степанову, уже не отрывисто:

— Да поймите, дорогой мой, у меня этих гавриков двести с лишком душ, а баб — вдвое. Ну, бабы ладно, мужики тоже есть, сказал — сделает, а ведь другой архаровец как? Накинешь — приходи к обеду, проверь готовое, пожалеешь — нам тоже не к спеху. Ты ему: а вот я тебе выговор влеплю. А он: а его я в золотую рамочку и над кроватью повешу.

— Ну а премии лишить или еще как? — подал рационализаторское предложение Степанов.

— Ха! — Иван Иванович снял кепку и покрутил своей круглой головой так, что влажные белесые волосы, свалившиеся под кепкой, рассыпались во все стороны. И повторил с насмешливостью обреченного: — Ха! Вон, видите? — Он показал рукой вдаль, за дорогу. Там торчали две тонкие, как карандаши, заводские трубы. — Силикатный. Плюнет и уйдет. И возьмут характеристику и разворачивать не будут. А подальше — еще завод, еще фабрика. Ему вакансий на пятьсот лет хватит. А у меня столовка кормит — в Москве не покушаешь, мясо свое, в обед за полтинник четыре блюда. Дворец, баня с паром, веники на всю зиму заготавливаем. Какого еще рожна? Работай! — Он передохнул и спросил совсем из другой области: — Неприятности будут?

— Пирогов и пышек я бы на вашем месте не ожидал, — сказал Степанов.

— К шишкам не привыкать, — энергично выдохнул Иван Иванович. — Я вам больше не нужен?

— Спасибо. Мы домой.

— Счастливого пути.

— Всего доброго.

Степанов и Басков пожали директору руку и уехали.

Леонида Васильевича Лярина арестовали вечером того же 18 мая возле его гаража, когда он поставил машину.

Егора Петровича Друкина доставили из Калуги 19-го.

С Юры пока была взята подписка о невыезде, что сильно его опечалило, так как он намеревался отдохнуть у моря, омыть свои утомленные чресла в соленых водах Понта Эвксинского, как, по утверждению энциклопедий, называли древние греки Черное море, оно же Гостеприимное, ибо Эвксинский в переводе означает «гостеприимный». Четыре отцовские энциклопедии, в том числе Брокгауза и Ефрона, Юра, согласно неоригинальному обычаю своих единомышленников и братьев по социальному положению родителей, давно продал, но кое-что из прочитанного он еще помнил. Так что ему не было жаль осиротевших книжных полок, да и деньгами он в данный момент располагал.

Ося уже с понедельника 21 мая чувствовал себя настолько здоровым, что мог давать показания вне больничной палаты. Он их давал со всей откровенностью, на какую был способен. Между ним и Леонидом Васильевичем Ляриным во время очных ставок происходила малопочтенная грызня: каждый старался уверить Степанова, что главарем, лидером преступной группы был не он, а вот этот сидящий напротив гражданин. Такие коллизии всегда бывают зеркальным отражением того, что существовало там, на воле. В зеркале ведь левое становится правым, правое — левым. На воле спор шел наоборот — кому быть главарем.

Константин Брылин заявил Степанову напрямик: мол, гражданин начальник, я человек грамотный, понимаю — от харьковского поезда и двух пуль в доме Егора Петровича не отмажешься, я и не буду, а лишнего на меня не вешайте. Он действительно был грамотный — отбыл десять лет за разбой. С Егором Петровичем Друкиным он познакомился в поезде, оба возвращались из колонии. Но колонии у них были разные, потому что разные режимы.

С Ляриным и Гольдманяном их свела судьба, так по крайней мере казалось Брылину. Он познакомился с Леонидом Васильевичем на пляже в Ялте, причем инициатором был Леонид Васильевич. Он искал когонибудь для компании, чтобы выпить.

Тут есть существенный момент. Если бы, скажем, Леонид Васильевич встретил Константина Брылина в Ялте не на пляже, где люди одеты в купальники, а на набережной, одетым в рубаху, хотя бы и с коротким рукавом, он бы искать с ним знакомства не стал. Дело в том, что поиск

Леонида Васильевича носил целенаправленный характер. Ему необходимо было завести себе друга и помощника с уголовным прошлым. У Брылина не было татуировки на руках, зато на груди, спине и ногах желаящие и имеющие такую возможность могли видеть прекрасно исполненные жанровые картинки. По понятиям Леонида Васильевича, каждый, кто имеет наколки, был уголовником. На самом деле это не совсем так, но у ложных правил, как и у неложных, тоже есть исключения, и в данном случае восторжествовал этот необязательный закон.

Леониду Васильевичу повезло даже крупнее, чем он ожидал: познакомившись с Брылиным, он заполучил и второго надежного помощника — Егора Петровича, а большего ему для задуманного предприятия и не было нужно.

Егор Петрович Друкин от всего отпирался и на допросах, и на очных ставках. Он был человеком недалеким, но основательным, за что особенно его ценил Леонид Васильевич, на чем и строил свои чудовищные планы.

Иосиф Георгиевич на одном из допросов объяснил, что Лярин выработал собственную тактику, которую он называл дуплетом. Суть ее в том, что если хочешь кого-то убрать, убери его и наведи след на другого, а чтобы не нашли концов, убери и этого другого. По этой схеме развивались события в апреле со среды до пятницы. Друкин убил Анатолия Никитина, навел след на Кузьмичева, а его должен был выбросить из поезда Брылин. Инсценировка с молотком и монетой была грубой, но если бы Александр Кузьмичев не постоял за себя, она бы, глядишь, и запутала все.

Егор Петрович отпирался даже после того, как ему предъявили найденную в его тайнике, в кофейной банке, золотую иностранную зажигалку с гравировкой «А. Н. от Л.», которая принадлежала Анатолию Никитину (подарок старого валютчика Яна Лациса из Таллинна). Судебно-медицинская экспертиза дала заключение: учитывая характер ранения, нанесенного Никитину, при решении дилеммы, какой из двух предметов — молоток или кистень — можно с большей вероятностью считать орудием преступления, следует отдать безусловное предпочтение кистеню. Хотя в такой формулировке заключение могло служить лишь косвенным доказательством, оно все же было не в пользу Друкина.

Леонид Васильевич Лярин упорствовал и изворачивался две недели, и все это время Степанову было не по себе. При всей своей многолетней и разнообразной практике он с трудом верил, что рядом с ним в Москве, в восьмидесятых годах двадцатого столетия, дыша с ним, со Степановым, одной атмосферой, может существовать такой субъект, как Лярин. Он показывал Лярина психиатру в тайной надежде, что тот найдет какую-нибудь патологию. Но нет, психика Лярина была в норме.

На исходе второй недели Леонид Васильевич заявил, что желает сделать чистосердечное признание в письменном виде. Оно составило

семнадцать страниц, исписанных мелким почерком. В нем было много пространных рассуждений о смысле жизни, о власти денег, о том, как влияет голодное детство на формирование психологии человека, когда он становится взрослым, были даже и философские обобщения. Но чистосердечия, как почувствовал Степанов, не было. Читая признания этого человека, Степанов почему-то все время вспоминал свою соседку, очаровательную семилетнюю девочку Дину, златокудрую, как сказали бы древние греки, и оченьмышленную, но вспоминал он ее не за златокудкость, а за то, как он услышал однажды этой весной, Дина кричала своей пешей подружке, восседая и догоняя ее на многокрасочном и многотрубном иностранном велосипеде, как она кричала: «А ты заткнись, блин, а то я тебя достану!» Такие взрослые слова и сами по себе претили Степанову, а в устах ребенка они удручали...

В заботе и старании представить себя жертвой послевоенных трудных лет, на которые пришлось его детство, Леонид Васильевич при писании невольно обнажал суть своих сегодняшних жизненных установок. И даже самый непроницательный человек легко мог уловить, что главное для него — деньги, деньги.

Степанов прочел показания несколько раз, просеивая их на мелком сите. Ему нужны были конкретные детали, а не пухлые обобщающие построения. Важно, например, установить, каким образом один из четырех билетов на харьковский поезд, приобретенный Константином Брылиным, очутился у Александра Кузьмичева. Оказывается, происходило это так. Татьяна попросила Анатолия Никитина. Никитин попросил Леонида Васильевича, а дальше все понятно.

Но как быть с отношениями между Никитиным и Леонидом Васильевичем? Ведь, по словам Татьяны, ее брат терпеть не мог ее бывшего мужа.

Леонид Васильевич, если говорить о полугоде, предшествовавшем убийству, действительно ненавидел Никитина, но Татьяна не знала всей правды. Она и вообразить себе не могла, каковы истинные взаимоотношения ее брата и бывшего мужа. Она не знала, что еще три с лишним года назад ее брат сделал Анатолия своим подручным, а затем и компаньоном, что именно потому и бросил Анатолий свою профессию и сделался киоскером. Все это тщательно от нее скрывалось.

Уже к марту Никитин и Лярин находились между собой в состоянии тихой войны, но поддерживали видимость прежней тесной дружбы. И билеты в Малый доставал для своей сестры Лярин по просьбе Никитина.

План убийства моментально сформировался у Леонида Васильевича, когда Никитин попросил его купить билет для Кузьмичева на харьковский поезд. Дружина он сговорил на том условии, что ему будут обеспечены ключи для проникновения в квартиру Татьяны и что половину золота, которое он найдет в квартире у Анатолия Никитина, он

возьмет себе. Молоток, две оставленные монеты — все это тоже продумал Леонид Васильевич.

Но почему ему понадобилось идти на столь страшные преступления, зачем так необходимо было избавиться от Анатолия Никитина?

На этот вопрос он ответил в своих письменных показаниях, правда, довольно скупо:

«А. Н. знал все мои дела... В начале нашей совместной работы он получал свою долю, то есть проценты за реализованную продукцию и всякие компенсации. Затем был налажен контакт с Лацисом по валюте. Скоро Н. начал меня обманывать, присваивал больше, чем ему положено. Состоялся разговор между нами, я его предупреждал. Он сказал, что выходит из компании и заводит собственное дело — по валюте и антиквариату. Я опять его предупреждал. Но он пригрозил, что заявит на меня, ему терять нечего, а у меня семья. Н. — ненадежный человек, натура хлипкая. Он бы скоро погорел, а это и для меня конец. Он же молчать не может. Сожалею, что так все получилось».

О малолетних Брошине и Касимове Леонид Васильевич не сожалел, он о них просто забыл...

Степанов испытывал глубокую жалость и к Татьяне Васильевне, и к матери погибшего — Клавдии Николаевне. Не скоро у них заживет душа, а вернее-то — никогда не заживет, до самой смерти...

Баскову очень бы хотелось узнать, что собирался сказать ему, но так и не сказал Ося там, на отвилке от шоссе к совхозу. Может, если бы сказал, не получил бы пулю? Басков уже давно занимался розыском совсем по другому происшествию, однако в тот день, когда Степанов, предъявив обвинение всем участникам преступной группы, закончил следствие, в тот день перед отправкой дела в суд Басков преподнес Степанову литровую банку груздей собственного засола, прошлогоднего, конечно, а Барышеву подарил галстук на резинке за рубль девяносто пять, завязанный на вечные времена. Галстук был неважный. Басков не смог найти расцветку по своему вкусу, но он уповал на то, что Барышеву придется надевать его не каждое утро.

ШМЕЛЕВ Олег Михайлович

КЛЮЧИ

Повесть

Редактор А. Г. Панченко

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 25.05.89. Подписано к печати 17.07.89
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура
«Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,31. Тираж 150 000 экз.
Зак. № 719. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

● С 1 сентября 1987 г. в нашей стране проводится новый вид личного страхования — страхование детей от несчастных случаев, которое предусматривает выплату страховой суммы или разового пособия за последствия перенесенной ребенком травмы, случайного острого отравления, заболевания гематогенным остеомиелитом, а также в некоторых других случаях.

● Родители или другие родственники могут застраховать детей в возрасте от 1 года до 16 лет. Для этого достаточно уплатить страховой взнос в размере от 2 до 3 рублей, в зависимости от возраста ребенка. Договор заключается сроком на один год на страховую сумму 1000 рублей.

● Заключить договор и получить более подробную информацию об условиях этого вида страхования вы можете у страхового агента, обслуживающего ваше предприятие, учреждение, организацию, или в инспекции государственного страхования.

**Правление государственного
страхования СССР**